

18+

Талина Ключ

Красавчик

Роб

Галина Ключ

**Красавчик Роб. Семейно-
романтическая драма**

«Издательские решения»

Клюс Г.

Красавчик Роб. Семейно-романтическая драма / Г. Клюс —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-564085-7

Красавчик Роб — это семейно-романтическая драма. Молодые люди, сестра и три ее брата переезжают из деревни в крупный город, где ожидают их драматические события. В центре — главный герой старший брат Роберт, который пошел по легкому пути. При помощи женщин и интриг он хочет построить свою карьеру, но в итоге его постигают неудачи. Трагедии преследуют наших героев, ничего не добившись, они возвращаются обратно в деревню, где ждал их потухший домашний очаг.

ISBN 978-5-00-564085-7

© Клюс Г.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвёртая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	25
Глава седьмая	29
Глава восьмая	32
Глава девятая	35
Глава десятая	39
Глава одиннадцатая	43
Глава двенадцатая	47
Глава тринадцатая	52
Глава четырнадцатая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Красавчик Роб

Семейно-романтическая драма

Галина Ключ

© Галина Ключ, 2024

ISBN 978-5-0056-4085-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава первая

*От автора: «Я не агнец, хоть трепещу под бременем забот,
но я живу и я дышу, моя звезда ещё взойдёт!»*

Молоденькая, стройная, как горная лань, девушка, с льняными, вьющимися и мягкими, как шёлк, волосами, волнами спускающимися до плеч, с выразительными глянцевыми, серо-голубыми, с поволокой, глазами, окаймлёнными густыми, длинными ресницами, – безбоязненно и ловко спустилась со знакомого крутого обрыва прямо на речку. Лиза, так зовут нашу героиню, пополоскав свои стройные мраморные ноги в прозрачной, тёплой, как парное молоко, воде, подняла вверх голову, жмурясь от яркого полуденного солнца. Как же, Бог мой, ей всё тут было до боли знакомо: все бугорки, канавы и выбоины, заросли чахлах кустиков и одиноко стоящие деревья; и эта маленькая, когда-то полноводная, а сейчас сильно обмельчавшая сельская речушка, голубой змеевидной лентой вьющаяся меж

высоких берегов, и эти озорные курчавые облака, будто играющие в прятки друг с другом. И с этой дивной первозданной красотой, с этим привычным сельским ландшафтом, с удивительной гармонией небес и земли, как с детскими сказками и грёзами, Лизе и её трём любимым братьям, – страшно подумать, – в скором времени предстоит расстаться и быть может – навсегда.

Тем не менее Лизину прекрасную девичью грудь так и распирало если не от счастья, то скорее всего в предвкушении перемен, сулящих ей чего-то такого необычного, отчего замирала душа, чего-то загадочного, хотя и тревожного, смутного.

Надо сказать, что Лиза Ивлева в силу своей необычной и богатой натуры, едва на горизонте замаячат пусть крохотные, пусть обрывки каких-то ничтожных перемен, тотчас начинает всячески фантазировать, как, впрочем, любой мало-мальски мечтательный человек, а тем более, владелец прекрасной наружности, вдобавок недурно образованный.

Если хотите, Лиза, как художник кистью, рисует в своём воображении картины будущей жизни. А как она её себе представляет? По правде говоря, как незабвенные тургеневские героини. Ни больше ни меньше. Разумеется, это немножко странно и наверняка старомодно в наш-то определённо меркантильный век. В самом деле, не думать о всяческих благах, заморских странах, о роскошных фешенебельных особняках, о яхтах, словом, о приземлённых материальных вещах, а представлять себя, идущей рука об руку со своим спутником, жгучим брюнетом, или голубоглазым блондином, без разницы, ловить его полный любви и неги взгляд из полуопущенных век и вести с ним бесконечные душевные разговоры.

Гм... это что-то из области фантастики, наверняка скажет, или подумает искушённый читатель. Но я готова с ним поспорить и, положив руку на сердце, заявить, что такие люди, как Лиза Ивлева, мечтательные и запоем глотающие классические произведения в эру гаджетов, как редкие ископаемые, слава Богу, ещё есть.

Однако злые языки в полувымершем селеньице, где в настоящее время волею судьбы обитают Ивлевы, между прочим, с ехидцей поговаривали, что Лиза – девушка, мол, не от мира сего, а с такими сейчас не особо церемонятся, более шустрые и загребушие раздавят их рано или поздно, попадись они им под руку.

Например, Лукерья Догадова, родная сестрица Раисы Ивановны Ивлевой, – Лизиной и её братьев матери, – пышнобёдрая и несколько косноязычная особа, не раз и не два без стеснения выговаривала сестре:

– Избаловала ты своих детишек, Раюха, ох и избаловала, а особенно Лизку. Учительшей работает, а к жизни всё не приспособлена, в облаках до сих пор витает, принца сказочного, небось, ждёт. Пора бы тебе, дорогуша, выпустить ребят из-под подола-то своего, а ты носишься с ними, как дурень со ступой.

Впрочем, на эту тираду прямая и бескомпромиссная Раиса Ивановна сухо отвечала, поджимая свои ещё пухлые и далеко не бескровные губы:

– Мои дети, в том числе Лиза, может, не очень приспособлены к жизни, зато честные и справедливые, и никогда, я уверена, ничего дурного не отчебучат, как некоторые... которые, между прочим, Бог знает от кого в пятнадцать лет родили и самым бесстыдным образом сбагрили дитяtko на бабушкины плечи...

А поскольку камешек был запущен прямо в огород Лукерьи, последняя от злости, как хамелеон, то и дело меняла краску в лице, и губы у неё дрожали, и голова тряслась, как в лихорадке. Но, увы, от правды никуда не денешься. Её непутёвая дочка Маша, широкоскулая и остроносая, с пронырливыми мышиными глазками, действительно после того, как в подростковом возрасте произвела на свет ребёнка, куда-то сгинула, точно в воду канула.

...Лиза, напевая что-то себе под нос, благо никого вокруг не было, уютно устроилась на берегу, под кронами своих любимых молоденьких дубочков, которые всегда её утешали шелестом изумрудных листьев. Вот-вот должна подойти в это условленное место её любимая и, пожалуй, единственная подруга, с которой они с детства почти не разлучались, – Соня Кудрявцева. Последняя не заставила себя долго ждать. Запыхавшись, она села рядом с Лизой, опустив на свои стройные от природы смуглые ноги, тоненькие, сплошь, словно в узорах, в синеватых жилках, руки.

Нетрудно было заметить, что во всём облике всегда жизнерадостной Сони в данный момент сквозили печаль и уныние, будто она была в каком-то трауре. С трудом подбирая слова, немного заикаясь от волнения, девушка дрогнувшим голосом промолвила:

– Лиза, неужели правду люди говорят, что ты вместе с братьями уезжаешь в Санкт — Петербург... а как же... как же я... неужели нашей дружбе – конец... я ведь... я ведь без тебя пропаду, – последние слова она чуть ли не выкрикнула в отчаянии, в голосе её зазвенели слёзы.

От её слов у Лизы, надо сказать, на глаза тоже едва не навернулись слёзы, но она сдержалась, обняла подругу за плечи и, как малого ребёнка, принялась её утешать, глядя по волосам. Соня доверчиво прижалась к ней, последний раз всхлипнула и с просквозившей в голосе надеждой простодушно сказала:

– А может, может ваша мама ещё передумает, разве можно вас так далеко отпускать, вдруг вы там, на чужбине, пропадёте, в таком громадном мега-полисе можно, как пить дать, затеряться.

На что Лиза с полуулыбкой и вполголоса отвечала:

– Увы, Сонечка, мы бы и рады ещё под крылом у нашей доброй мамочки пожить, но сколько можно. Суди сама, дорогая. Мне уже скоро стукнет двадцать два, по прошлым меркам я почти старая дева, а Игорю и Олегу девятнадцать будет. Да и Роберту, думаю, пора определяться, двадцать четыре скоро исполнится, да ты и сама ведь знаешь...

Тут позволю себе сделать маленькое отступление. Дело в том, что при имени Лизиного старшего брата, то бишь красавчика Роберта, – кстати, он один из главных героев нашего повествования, – Соня так вся и залилась краской. И ничего тут, право, нет такого особенного, если я раскрою, с позволения читателей, Сонину сердечную тайну, которая, во-первых, ни для проницательной Лизы, ни для самого Роберта, ни для односельчан тем более уже давным-давно не тайна, а, во-вторых, тайна не тайна, но ясно, как божий день, что Роберт – смысл всей Сониной жизни.

Ведь Соня, по правде говоря, и с Лизой дружила главным образом потому, что та внешностью напоминала ей Роберта. Что он, что она, оба редкой, ослепительной красоты: голубо-

глазы и стройны, золотоволосые и бледнолицые, а у брата вдобавок на подбородке притаилась неглубокая, вполне привлекательная и загадочная ямочка, сводившая Соню прямо-таки с ума. И вот как ей, Соне, сейчас быть прикажете? Её милый друг Роберт будет жить в самом Санкт – Петербурге, тогда, как она, несчастная, будет в тоске и печали снедать себя в этом Богом забытом захолустье, у которого и название какое-то совершенно убогое и дурацкое – Кукон. Значит, всё пропало, значит, всё исчезло, как исчезают мгновенно загадочные силуэты в сизом тумане!

– Всё пропало, всё пропало и назад не вернётся! – грустно, как заводная кукла, повторяла она, покачивая головой, одно и то же.

Честно говоря, в глубине души Соня Кудрявцева отдавала себе отчёт в том, что между Робертом Ивлевым и ней лежит громадная пропасть. Кто она и кто он? Часто задавала она себе этот вопрос. Он красив, что Бог Аполлон! А она? Она обыкновенная сельская простушка, вся смуглая, как цыганочка, худая, как щепка, с прямыми, как палки, волосами. Вот если бы у неё были такие же бездонные голубые, как два озерца, глаза, как у брата с сестрой, или волосы, цвета полуденного солнца...

Да если бы речь только о внешности шла, ещё куда ни шло. Но ведь она, в отличие от Роберта, увы, не вышла ни умом, ни талантом, ничем она не может его сразить наповал. За плечами лишь одиннадцать классов и работает она обыкновенным продавцом, и живёт мало того, что не в собственном доме, так ещё с пьяницей дядей, который по непонятной причине трезв бывает лишь по понедельникам. Дело в том, что родители у неё, когда она была совсем мала, погибли в жуткой автомобильной катастрофе.

Спрашивается, за что её, такую, убогую и невзрачную, будет любить самый замечательный парень на свете! Кроме неотразимой внешности, Роберт ещё необычайно талантлив. Во-первых, он умеет весьма выразительно, не хуже, а быть может, гораздо лучше, чем знаменитые артисты, декламировать стихи, во-вторых, он сам их вполне недурно сочиняет, а, в-третьих, он, словно ходячая энциклопедия, всё на свете знает. Перед ним даже историки могут спасовать, потому что Роберт, не заглядывая ни в какой словарь, уверенно ответит на вопросы, касаемые, скажем, декабристов, или знаменитого философа- вольнодумца, любимца Екатерины- Вольтера. Он знает обо всех наперечёт отпрысках последнего русского царя Николая второго. А уж про Александра Сергеевича Пушкина он знает весьма много из того, о чём учителя благоразумно молчат и, пожалуй, едва ли не более того, о чём знала собственная мать великого поэта.

И подумать только, если надо, он процитирует и даже бесстрашно зачитает отрывки из бессмертных произведений самого великого Гомера.

Так думала, так считала Соня, восхваляя своего друга и занимаясь самобичеванием. Однако мне как автору кажется, нет, я просто уверена, что эта чудесная девушка, восхищаясь якобы всесторонним развитием Роберта, ничего не знает о собственных достоинствах. Не буду все их перечислять, замечу только, что у неё есть одно превосходное качество, что редкость в наше время, – это буквально золотое сердце. Эта девушка, например, способна в лихие дни отдать обездоленным последний кусок хлеба. Пример? Пожалуйста.

Однажды она привела в дом какую-то нищую старуху, которая сидела подле их дома и, шамкая беззубым ртом, не могла и двух слов толком связать. Несмотря на сильное дядино недовольство, Соня тем не менее обогрела её, напоила, накормила. А потом навела справки; оказалось, что старуху вытолкнули из дома не кто иные, как родные дети.

И вот сердобольная девушка терпеливо ухаживала за чужой странницей до тех пор, пока не урегулировался этот вопрос.

Что касается Роберта, то он, скажем откровенно, если не любил Соню, то по крайней мере был к ней сильно привязан, как привязываются люди к старому шкафу, или поношенному платью. Эта худенькая кроткая, весьма симпатичная девушка с красивыми миндалевидными глазами и копной волос, цвета вороньего крыла, подкупала здешнего Ален де Лона прежде

всего своим природным талантом слушать и слышать его. Она во всём с ним соглашалась, даже если он нёс порой откровенную околесицу и чепуху насчёт кое-каких философских воззрений.

Соня боготворила Роберта, во всём с ним безропотно соглашалась, и самолюбивый, амбициозный парень прекрасно понимал, что в этом мещанском болоте, где их угораздило проживать, никто иной, как преданная ему подружка, мог по праву его оценить.

И вот за несколько дней до отъезда в Санкт-Петербург Роберт решил навестить Соню отчасти потому, что ему было всё-таки жалко её, как-никак, а почти вся жизнь прошла рядом с ней. С радужными мыслями, вскружившими голову ему, как, впрочем, и всем остальным Ивлевым, о крупном городе, где им вскоре предстоит жить, он летел к Соне как на крыльях. Как-то она отнесётся к разлуке, с лёгким сердцем думал он. Конечно, расплачется, чего доброго, возможно, закатит истерику, но его, несмотря ни на какие коллизии, уже с истинного пути не свернёшь. Гнить в этой мерзкой глуши, где люди, сплошь и рядом деградируют, он вовсе не намерен.

Глава вторая

– Пойми, моя крошка, Санкт-Петербург- это наш единственный шанс, когда мы можем хоть как-то реализоваться, если хочешь что-то сделать в этой жизни, – с апломбом говорил Роберт своим бархатистым голосом, держа маленькую руку Сони в своей и прижимая к себе её хрупкий, как хрустальная ваза, стан.

Они стояли во дворе шаткого, приземистого дома, с низкими окнами, с полуобвалившимся крыльцом и весьма скрипучей калиткой, где она жила со своим беспечным и слабо-вольным дядей.

Ничего, собственно, не изменилось в их с Робертом отношениях. Больше, как обычно, говорил он, а она слушала, печально повесив голову, как провинившаяся школьница, и только наслаждалась звуками его чарующего голоса. Солнце уже нехотя перевалило за горизонт, оставляя после себя багрово – красные следы; в застоявшемся за день воздухе в результате дикой по здешним меркам тридцати- градусной жары наконец-то вечером почувствовалось лёгкое дуновение ветерка.

Наш сердцеед затем отошел от Сони и возбуждённо стал мерять шаги по просторному двору, кое-где захламленному всякой всячиной.

– Ты даже не представляешь, Соня, какую я мощную силу в себе ощутил! Я такое в этом городе разверну! Столько дел наворочу, я в молниеносный срок сделаю себе карьеру, я, чёрт побери, заставлю всех заговорить о себе! – без устали с пафосом с пылающим от чрезмерного возбуждения лицом и, жестикулируя левой рукой, восклицал он.

– Я буду известным журналистом, я выведу на чистую воду всю зажавшуюся сволочь, всех коррупционеров, а тут я кто такой? Просто-напросто ноль без палочки.

Увлёкшись собственными наполеоновскими планами, Роберт в порыве совсем забыл о Соне, которая с поникшей головой, как сомнамбула, бродила следом за ним по двору.

– Но ты не думай, моя крошка, что я тебя забуду! – он опять прижал её к себе, целуя её побледневшее лицо и руки.

– Я и о тебе, право слово, обязательно подумаю. Хватит тебе уже прозябать с этим пьяницей дядей, ведь ты с ним фактически белого света не видишь. Ведь ты же хорошо поёшь, а горбатишься, чёрт побери, в каком-то ничтожном вонючем магазине. Да с твоей симпатичной мордашкой и с твоим ангельским голосочком можно хоть сейчас на сцену. Вот ей Богу! И мы сделаем из тебя популярную певицу, да ты ещё за пояс заткнёшь всяких безголосых кривляк и прочую шуштуру.

Несмотря на то, что Соня не предъявляла своему милому кумиру каких-то претензий, а лишь покорно и как-то благоговейно смотрела на него, он нехотя выдавил из себя обещание, что максимум через полгода он наверняка вызовет её к себе. Правда, с единственной оговоркой на тот счёт, если у него самого всё сложится преотличным образом.

Сразу ожившая девушка, у которой сердце после его сладких речей, точно у воробышка, сильно трепыхнулось, велела ему подождать, а сама между тем зашла в дом и вскоре вышла с каким-то бумажным свёртком, перетянутым алой лентой.

– Это тебе, Робик, сюрприз от меня, – с загадочной улыбкой ласково сказала она и тут же попросила его ни в коем случае не открывать свёрток до приезда в Петербург.

Это их прощальное свидание закончилось тем, что Роберт, кстати говоря, в первый раз остался у неё ночевать, благо дядюшка где-то пропадал со своими собутыльниками, как это частенько бывало.

Не было, наверное, в этот день более счастливого человека, чем наивная Соня Кудрявцева. Во всяком случае она так считала. Она была в нежных объятиях любимого человека, на которого, как мы уже говорили, не могла надышаться. Слова Роберта, пылкие и восторжен-

ные, ласкали её слух, будоражили её воображение. Простодушная девушка всё, что так или иначе исходило из его уст, откровенно говоря, принимала за чистую монету. Вообще-то Соня в мыслях уже и сама была в Санкт-Петербурге, который и её, приземлённую, всю манил; она грезилась этим городом и с замирающим сердцем уже подсчитывала, сколько в лучшем случае продлится их разлука, и мечтательному взору её представлялась весьма отрадная картина: как она к нему приедет, и как он, соскучившись по ней, бросится её встречать.

Между тем утомлённый и перевозбужденный от мыслей о перемене места жительства, Роберт одной рукой перебирал мягкие волосы доверчиво прильнувшей к нему Сони, а другой держал сигарету и, попыхивая ею, вяло думал о том, что Соня, конечно, довольно милая, добрая девушка, но, увы, увы, чего греха таить, всё же она – птица не его полёта. Она чем-то напоминала ему прочитанную книгу, которую вновь перечитывать уже как-то неохота, а лучше всего, как он считал, положить на какую-нибудь заднюю полку: авось когда-нибудь и пригодится.

Но перенесёмся в дом к Ивлевым, чтобы познакомить читателей с его хозяйкой, далеко не старой ещё женщиной Раисой Ивановной.

Это статная ещё ясноокая женщина, с густой копной русых, без единой седины волос, которой на днях исполнилось сорок семь и которая удивительным образом сохранила по крайней мере отблески былой красоты, даром, что груз забот о детях и разные жизненные перипетии, увы, не покидают её по сию пору. Преследуемая косыми взглядами односельчан, – последним не даёт покоя мысль: как это она одна управляет и в поле, и дома, – Раиса Ивановна старается назло всем недоброжелателям по мере возможности обходиться без посторонней помощи.

Одна из лучших её приятельниц, пятидесятидвулетняя Мария Задворкина, живущая от неё через два дома, жалеючи её, однажды укоризненно сказала:

– Всё одна, да одна ты, чай, не ломовая лошадь, силёнки-то, поди, убывают. Не надоело понтоваться! Приняла бы к себе мужика, вот тебе и облегчение.

На что Раиса Ивановна только посмеивалась, обнажая чудом сохранившиеся все до одного белые зубы, и скептически отвечала:

– Да на что мне мужики-то, ведь они мастера только водку хлыстать, да, прости Господи, жрать в три глотки.

Мария в ответ возмущённо всплескивала руками, покачивая своей круглой, как тыква, головой, где буквально не было живого места от седых волос, к тому же кое-где предательски поблёскивала плешь.

– И как тебе, Раюха, не совестно так говорить! Так ли уж все мужики только пьют, да бока пролёживают. Возьми Захара Краюхина, что на тебя глаз давно положил. Чем не мужик! И собой хорош, одни чёрные усища его чего стоят, а глаза карие, как вскинёт их, так сердце прям замирает. А уж работа – на все руки мастер. Нет такого дела, чего бы он не умел. Скажу по секрету, если б такой голубь ко мне подкатился, не упустила бы его, вот тебе крест святой, заграбастала б себе.

Однако Раиса Ивановна только отмахивалась и отшучивалась:

– Да на что мне его тараканьи усы! Своё я уже давно отлюбила, да и нет на свете такого мужика, который принял бы моих детей как родных.

– Да ить детишки твои рано, или поздно, как щепки от топора, разлетятся в разные стороны, и будешь ты, бедолага, одна куковать, воды и то некому будет подать, когда старость и немощи нагрянут, – вразумляла соседку своим певучим и протяжным голосом Мария, а затем принималась шпиговать её с другой стороны, мол, почему её сыновья и дочка, такие никчёмные и так избалованы ею, что и за холодную воду совсем не берутся. Никто не видел, чтобы кто-то из них хоть один несчастный раз с тямкой или лопатой в руках вышел в поле матери подсобить.

И на это у Раисы Ивановны был всегда наготове вполне справедливый ответ, мол, её дети не какие-то там жуки навозные, и не для того она, корчась в невероятных муках, их рожала, чтобы они свои юные спины гнули на этих треклятых грядках. И вообще дети, справедливости ради, скажем, для Раисы Ивановны всё равно, что свет в окошке, собственно, для них и ради них она и живёт всё это время. Когда они были ещё маленькими и несмышлёными, мать буквально пылинки с них сдувала; она холила и лелеяла ребят, как холят и лелеют люди редкие цветы в горшках, не отходя от них день и ночь.

А когда они выросли, дело доходило вообще до абсурда: не разбираясь толком, кто прав, кто виноват, Раиса Ивановна, как разъяренная тигрица, бросалась на каждого, кто так или иначе критиковал её «голубят».

В официальных браках она побывала трижды и ни с одним своим избранником, увы, а, может, к счастью, не ужилась. Например, последний муж, от которого она произвела на свет двух очаровательных близняшек: Игоря и Олега, свой скверный характер стал показывать уже на следующий день после свадьбы. Во-первых, по всякому даже пустячному поводу, он сравнивал её со своей мамочкой, суровой, вздорной женщиной с колючими маленькими глазками. Мол, мама его борщи варит классные, а у неё вместо щей какие-то дурацкие помои получают. И так далее и в том же духе. А, во-вторых, можете себе представить, он прятал свои деньги от неё, выдавая какие-то жалкие копейки на жизнь. «Я вовсе не намерен кормить чужих чертенят, которых ты нарожала от прошлых муженьков», – торжественно заявлял он аккурат перед своей зарплатой.

Лизин же отец был совсем другого склада человек. Щедрый и весёлый, он едва не на руках свою женушку носил. Правда, единственный его недостаток заключался в том, что он был патологический бабник, очень уж любил, мягко говоря, приволокнуться чуть ли не за каждой юбкой, так или иначе появляющейся у него на пути. По меньшей мере это было очень и очень странно. Ведь в свои молодые годы Раиса Ивановна, янисколько не преувеличиваю, была чудо, как хороша и любой сопернице могла дать фору. Ну точь- в -точь, как британская актриса Вивьен Ли, сыгравшая главную роль в знаменитом фильме «Унесённые ветром». Смешно, но такую-то красотку мужёнок мог променять без зазрения совести на какую-нибудь сухопарую замухрышку!

Но как бы там ни было, а второй муж Раисы Ивановны, то бишь Лизин отец со всеми его фокусами и выпендрёжами после развода с женой не прятался трусливо, как иные, а сохранил с ней мало-мальские тёплые отношения, напоминая о себе телефонными звонками.

Что касается первого и третьего супруга (о последнем, впрочем, мы уже выше упоминали), то что одного, что другого, к сожалению, в лучшем свете представить совершенно невозможно. Дело в том, что после расставания с Раисой Ивановной они так искусно замели после себя следы, что, наверное, и опытные сыщики, обратись Ивлева к ним за помощью, вряд ли чего бы добились.

Словом, как бы ни было горько на душе у добропорядочной Раисы Ивановны, ей пришлось как следует засучить рукава и в одиночку поднимать на ноги своих ненаглядных деток, не обращая внимания на разные кривотолки, которые, как из рога изобилия, сыпались со всех сторон.

Что касается сердечной привязанности, то Раиса Ивановна, уже будучи трижды разведённой, случись ей по новой замуж выходить, пожалуй, предпочтение отдала бы отцу Роберта, и это, представьте себе, несмотря на все козни с его стороны. Вот уж поистине женская душа – потёмки. Хотя правильно говорят, что сердцу не прикажешь. Статный красавец, любитель порисоваться, фразёр и щёголь, папаша Роберта, точно паук, ловко заманивал жертвы в свою паутину.

А Роберт, что и говорить, вылитый портрет своего отца, хотя и материнская красота в нём как-никак присутствует, а иначе он и сестрёнка Лиза разве были бы так сильно похожи друг

на друга. Как мудрая и щепетильная мать Раиса Ивановна, надо сказать, до умопомрачения любила всех детей, но своего первенца – особенно, хотя об этом, слава Богу, никто и никогда не догадывался, а может, это она только так думала.

Глава третья

Итак, уважаемые читатели, в предыдущей главе мы вкратце познакомили вас с Раисой Ивановной Ивлевой, а теперь с вашего позволения расскажем о том, чем, собственно, жили и на каком поприще хоть как-то преуспели представители младшего поколения, то бишь её ненаглядные дети.

Начнём со старшего Роберта. Поскольку наш герой с младших классов пописывал всевозможные статейки и, между прочим, разоблачительного характера, так как голова его под влиянием матери с детства была напичкана высокими идеями, то ничего удивительного нет в том, что он поступил в университет на факультет журналистики и с блеском его окончил, имея в кармане красный диплом.

Но, увы, совсем не искушённый в практических вопросах, хотя и, как мы говорили, полагававший вполне приличным дипломом из не менее приличного вуза, амбициозный самолюбивый парень однажды кубарем скатился с первых же ступенек газетной карьеры. И вот как это случилось. В один прекрасный день шеф районной газеты, куда поступил работать Роберт, вызвал его к себе и сухим, несколько дребезжащим голосом, буравя его красными кроличьими глазами из-под вороньего цвета кустистых бровей, строго-настрого приказал выполнить одно весьма ответственное задание. Собственно, дело было проще пареной репы. Надо было, не скачиваясь на эмоции и, конечно же, далеко припрятав собственное мнение, написать материал о недавнем происшествии, наделавшем много шума в районе и за его пределами.

В одном микрорайоне машина насмерть сбила семилетнего ребёнка, за рулём был, как выяснилось, сынок высокопоставленного местного чиновника, с которым редактор газеты был, как говорится, на одной ноге. В задачу Роберта Ивлева входило: перевернуть данную трагедию с ног на голову и во всеуслышанье заявить, что водитель, мол, тут ни при чём, а мальчик сам (подумать только), будучи в пьяном состоянии, бросился под колёса автомобиля.

Однако дерзкий журналист, выждав момент, когда шеф ушёл в отпуск, по предварительному сговору с заместителем редактора, ничтоже сумняшеся сделал как раз всё наоборот, а именно: выдал в свет такую разгромную статью, что, наконец-то, как пауки в банке после внезапного толчка, зашевелились местные следователи и даже из Москвы нагрянула важная комиссия.

После этого, нетрудно догадаться, Роберта просто-напросто вышвырнули из редакции, без выходного пособия, впрочем, с оговоркой, «как не оправдавшего доверия».

Сестра Роберта Лиза, как и он после вуза, вооружённая багажом теоретических знаний, с первых же дней на практике столкнулась с чиновничьим произволом, завистью и лютой ненавистью со стороны коллег в школе, куда она пришла, полная радужных надежд. Старая гвардия учителей преклонного возраста, самой старшей, преподавательнице химии перевалило уже за восемьдесят, скорее всего невзлюбила Лизу за её молодость, красоту и доброжелательный характер.

Каждое её остроумное слово воспринималось старшими коллегами чуть ли не в штыки. Многие учителя, отдавшие школе, – шутка ли сказать, – более полувека, главным образом встревожились из-за того, что, во-первых, новенькая вела себя со старшеклассниками более, чем странно, то есть на равных, а, во-вторых, питомцы, изрядно пакостившие другим учителям на каждом шагу, так прикипели к Елизавете Петровне, что едва ли не табуном ходили за ней. Однажды, когда она заболела, домой к ней явился почти весь класс.

В общем, зависть, как снежный ком, исподволь нарастала в кругу коллектива; от молоденькой учительницы, которая бесцеремонно, как вихрь, смела на своём пути все устоявшиеся порядки, надо было во что бы то ни стало освободиться.

И вот однажды после удачно проведённой в классе весьма любопытной дискуссии на тему: как подросткам вырваться из-под излишней назойливой опеки взрослых, Лизу вызвала на ковёр директор школы Антонина Андреевна Базлова.

Жившая по принципу «как бы чего не вышло», Антонина Андреевна, пожилая желчная особа, мужиковатая на вид, с вечно жирными ключьями волос, вперила в Лизу свои бесцветные глаза и жалобным тоном стала ей выговаривать:

– Как вам не стыдно, Ивлева, так поступать с нашим дружным коллективом! От вас, если хотите знать, пахнет гнилым либерализмом! Вы слишком заигрались в демократию! А вам ли не знать, что это самый дешёвый и постыдный способ завоевать авторитет у тех, чей организм ещё не окреп, ещё не готов к суровым жизненным испытаниям.

Тут Антонина Андреевна снизила голос до полусёпота, хотя в кабинете никого больше не было, и вкрадчиво добавила:

– Вы разве не знаете, что случилось в первой школе в прошлом году? Так вот там одна учительница тоже увлеклась демократическими играми с учениками. А потом... потом... она родила от одного оболтуса. В общем вам, уважаемая коллега, пока ещё подобра – поздорову надо уходить, – заключила Базлова, отводя свои невзрачные глаза в сторону.

Справедливости ради, надо сказать, что как Роберт, так и его сестра, лишившись места, не стали бить баклуши, а скрепя сердце пробавлялись кто как мог. Роберт время от времени усердно крапал вредные статейки, рассылая их согласно заказу в разные газетёнки.

Лиза же занималась в основном мелкой репетиторской работой. Однако так или иначе все эти жалкие потуги были просто-напросто вынужденной мерой, и так долго, разумеется, это не могло продолжаться. Кстати, как дальновидная женщина, горячо, как мы уже упоминали, любящая своих детей, Раиса Ивановна прекрасно понимала, что в маленьком Куконе и за его пределами ребятам с их способностями совершенно ничего не светит.

Она уже тысячу раз пожалела, что приехала сюда и тем самым обрекла детей на бесперспективное унылое существование. И с этим нужно было что-то делать, а именно: хочешь не хочешь, а надо в корне менять привычный уклад жизни, даже если сей факт грозит расставанием с детьми.

Вот и близнецов никуда не удалось толком пристроить. А ведь у обоих девятнадцатилетних симпатичных парней есть (и этого никто не отрицает) кое-какие творческие задатки. Это в первую очередь невероятные способности к рисованию: и быть бы им известными художниками, если б не запёрлись они по её, материнской милости, в эту тьму-таракань. Единственно, чего ей удалось, так это записать сыновей в художественный кружок, когда Олег и Игорь ещё учились в школе.

А вообще с младшими мальчишками, пока они росли, да и сейчас тоже, чего греха скрывать, была настоящая морока. Угрозидло же её родить их, точь-в-точь как две капли воды, похожими друг на друга. Родная мать их вечно путала, не то, что посторонние люди, а Лиза, та вообще без подсказки не могла толком различить, где Игорь, где Олег.

Когда в школе близнецы учились, мать лиха натерпелась с ними, что и говорить. Видимо, из чувства братской солидарности, озорники то и дело устраивали дурацкие розыгрыши, выкидывали всяческие номера. Например, вызывали к доске Олега, выходил отвечать урок Игорь с невозмутимой улыбочкой, либо наоборот. Дело с близнецами порой доходило до курьёзов. Бывало в школе набедакурит Олег, а вину на себя брал Игорь, или наоборот.

Все эти, мягко говоря, неблагоприятные моменты из жизни близняшек, прямо -таки сводили с ума школьное руководство. Однажды директор школы, где мальчики учились, поставил перед их матерью ультиматум: или она принимает какие-то радикальные меры в отношении своих весьма обнаглевших отпрысков, или их в скором времени просто-напросто вышвырнут из школы.

Всегда строптивая, как норовистая лошадь, в данной ситуации бедная женщина, сидевшая напротив директора, просто оплошала и понесла какую-то чепуху, наподобие того, что у её милых мальчиков есть очень хорошая примета для того, чтобы их хоть как-то различить. Например, у Олега внизу живота, на правом месте есть небольшое тёмное родимое пятно, тогда, как у Игоря эта родинка отсутствует.

Тогда доведённый до бешенства директор, с пеной у рта сделал в адрес своей визави довольно нетактичный знак, то бишь он выразительно покрутил пальцем у своего виска.

Делать нечего, пришлось Раисе Ивановне срочно применить тяжёлую артиллерию, то бишь прибегнуть к помощи своего старшего любимого сыночка. Тот, всегда считавший обоих братьев просто-напросто недоумками, не мудрствуя лукаво, стрёб близняшек в охапку и надавал им таких тумачков, при воспоминании о которых Игорь и Олег ещё долго поёживались.

Таким образом решение отправить детей из далёкой провинции в крупный город возникло у Раисы Ивановны отнюдь не спонтанно. Оно у неё с каждым годом всё более назревало, как назревает чирей на лбу при весьма неблагоприятных условиях.

Конечно, она по понятным причинам одновременно хотела этого и не хотела и долгое время сидела как бы на двух чемоданах.

Между тем к решительным действиям её подтолкнул недавний весьма прискорбный случай. Как-то душевной лунной ночью, когда все Ивлевы крепко спали, в их семенном амбаре, находившемся неподалёку от дома, полыхнуло огнём так, что отблески его разнеслись по всему околотку. В итоге амбар, их добрый кормилец, почти полностью выгорел, от него лишь остались жалкие головёшки и трухлявые доски.

Вот тогда-то и призадумалась крепко Раиса Ивановна, слава Богу, неплохо дружившая со своими мозгами. Как минимум два вывода, как ослепительные молнии во время грозы, пронеслись в её голове. Во-первых, если кто-то скорее всего из мести не побоялся покуситься на её кровно нажитое добро, то это означает, что в их Куконе завёлся у неё настоящий враг. И второе, о чём подумала бедная женщина, что этот коварный враг отнюдь не дремлет и что совершенно нет гарантии в том, что он однажды не нанесёт ещё более сокрушительного удара.

Когда после случившегося она, будучи в удручённом состоянии, вместе со своей закадычной приятельницей, о которой мы выше упоминали, Марией Задворкиной, гадала о том, кому же она в Куконе перешла дорогу, её подруга вдруг хлопнула себя по лбу:

– Я вспомнила... я вспомнила... в тот злополучный вечер я как раз проходила мимо твоего амбара. И тут меня словно что-то толкнуло. Обернулась назад, вижу чью-то тень совсем близко от амбара. Чья-то сутулая фигура со втянутыми плечами взад-вперёд ходила, как будто что-то вынюхивала. Я его сразу распознала, это был, думаешь кто? Да Ванька Ерохин. Я ему успела крикнуть: какого рожна ты делаешь, у чужого-то добра, но его уже, как зайца, и след простыл. В милицию бы на него заявить, да ить как докажешь то, что именно он и поджёг.

Раиса Ивановна в ответ протяжно вздохнула и сокрушённо пожала плечами. Вполне возможно, что Ванька Ерохин – и есть главный виновник; у кого-кого, а у него точно была уважительная причина – держать против неё камень за пазухой.

Дело в том, что в этом году он приходил к ней просить займы семян, а она первый раз в жизни ему отказала, причём, в грубой форме. Что на неё вдруг нашло, она сама не знает. Просто высказала ему всё, что о нём думала: что он попрошайка и лежебока, на чужое всегда зарится, а долги не отдаёт, и что это ей в конце концов надоело. О, она отлично запомнила, как он, зловеще осклабясь, по-волчьи из-под нависших век сверкнул глазами, когда не солонохлебавши возвращался от неё.

Как бы там ни было, но в этой некрасивой истории хозяйку дома главным образом покорила реакция со стороны некоторых односельчан. Если рассудить, что она им плохого сделала? Почему они не упускали случая позлорадствовать над ней, тыкнуть в неё пальцем

лишний раз, заявляя, мол, поделом ей, выскочке. Вдобавок иные (подумать только) даже высказывались на тот счёт, что, Ивлиха, мол, сама себя подожгла ради пресловутой страховки.

Словом, почти никто не пожалел, не поддержал её в трудную минуту.

Вот разве лишь горбатый и неказистый, косноязычный мужичонка, по имени, либо по прозвищу – Михейка, (никто точно не знает), – третий год обитавший в доме у Ивлевых. У нас, в России, в деревнях, как, впрочем, и в городах, не перевелись ещё семьи, где на птичьих правах приживаются немного чудаковатые, а порой и вообще тронутые умом люди, невесть откуда взявшиеся, как правило, потерявшие собственный кров.

Обычно люди, греющиеся у чужого огня, по прихоти хозяев, их приютивших, играют в доме роль шутов, или полушутов.

Ивлевского же Михейку, – есть ли у него своя фамилия, никто не знает, – даром, что он к этой категории людей относится, назвать приживалом как-то не поворачивается язык. Он, между прочим, у Ивлевых свой хлеб отрабатывает довольно честно. Как запряжённый вол, он тащит на себе всю черновую работу в поле и дома.

Собственно, без устали пахать в доме Раисы Ивановны его никто не заставляет. Это исключительно его добровольный образ жизни. Но вот нюанс: несмотря на все его старания, всё же домочадцы смотрят на него словно незрячими глазами. Есть Михейка, нет Михейки – всем, не исключая хозяйки, абсолютно всё равно.

Работающий Михейка, как малое дитя, говорить толком не умеет, мычит только что-то невразумительное, да машет косматой головой. Впрочем, есть слова, которые он выговаривает довольно чётко и над которыми уже давно никто не смеётся, это его любимое выражение: «накось – выкуси». Поди разбери, какой смысл в них заложен и в чей конкретно адрес слова эти направлены.

Кстати, глядя на Михейку, совершенно невозможно было определить его точный возраст. Можно спокойно дать и сорок лет и все шестьдесят, ибо люди с подобной внешностью и положением, возраста, как правило, не имеют, и наш Михейка, конечно же, не исключение.

Зато этот самый безродный Михейка, представьте себе, отлично «наяривает», как говорят в народе, на своей выдавшей виды гармошке – это, пожалуй, единственное его имущество, которое сохранилось, когда он поселился у Ивлевых. И на праздничных посиделках в Куконе наш герой, между прочим, вне конкуренции.

Так вот, если б не он, пожалуй, единственный человек, проявивший невероятную расторопность и необыкновенное рвение при тушении пожара, ох, как туго пришлось бы Раисе Ивановне. Гораздо туже, чем если б он не спасал их добро.

Именно этот чудаковатый мужик, почуяв неладное, самый первый подскочил с кровати. Впрочем, что тут удивительного, если он, как верный хозяйский пёс, привык всегда не спать, а лишь дремать. И если кто в ту памятную ночь был обязан ему жизнью, так это молоденький резвый жеребёнок, обитавший в своём сарайчике, что в нескольких метрах от амбара.

Михейка быстро вывел перепуганного насмерть малыша в безопасное место и тотчас же, не дожидаясь пожарных, и не обращая внимания на толпу зевак, принялся тушить огонь всем, что только попадалось под руку. Трудно сказать, сколько горящих досок с риском для своей жизни перетаскал он в ту ночь на своей горбатой спине. Он обливался потом, был весь в крови от непосильного труда, заработал сильные ожоги на руках и ногах, но, кроме его знаменательной фразы, невесть к кому обращённой: «накось – выкуси!», которую он то и дело торжествующе повторял, никто от него больше ничего не услышал.

Глава четвёртая

Как бы там ни было, но всё сводилось к тому, что ребятам надо было во что бы то ни стало насовсем уезжать из этого Кукона, где Ивлевым односельчане то и дело подставляли палки в колёса. И тут впору задаться вопросом: почему выбран именно Санкт-Петербург? Нет, дело не только в его привлекательных размерах и перспективе тамошнего проживания. Так уж получилось, что Раиса Ивановна сама родом из этих мест и знает северную столицу как облупленную, во всяком случае до того, пока после неудачных браков она не перебралась в деревню.

Теперь на её малой Родине из родни остались две сестры, причём, далеко ещё не преклонного возраста. У этих сестёр, благо, что обе они по разным причинам были одинокие, Ивлева намерена была разместить близнецов и Роберта. Последнего – у Настасьи Ивановны, по той простой причине, что парень был просто-напросто её любимчиком; она вообще души в Роберте не чаяла, и нередко в деревню в его адрес от неё летели дорогие подарки.

Итак, за Роберта Раиса Ивановна была совершенно спокойна: под неусыпным оком её любимой старшей сестрицы он всегда будет сыт и иметь крышу над головой, а там, глядишь, и карьеру блестящую построят.

Близнецов, согласно уговору, согласилась опекать её младшая сестра Ольга Ивановна. Правда, в отличие от Настасьи она была, как бы правильно выразиться, несколько меркантильна. Без денег она ни в какую не соглашалась никому помогать, родня это, или не родня, будь это даже мать родная. Когда она на столь щекотливую тему прозрачно выразила своё мнение, Раиса Ивановна поспешила её успокоить, мол, своих детей она отрывает от себя вовсе не с пустыми руками.

Насчёт Лизы вопрос тоже не стоял ребром; она заранее договорилась, что жить дочка будет у своего отца – Петра Семёновича, с которым Ивлева, несмотря на прошлые обиды, сохранила хорошие отношения.

Притом, ей было известно, что бывший её муж – сейчас достаточно обеспеченный человек, так что дочь не будет ему в тягость.

Тем более он сам и уже давно совершенно искренним тоном просил Раису Ивановну отпустить Лизу к нему погостить, но вот всё не было нужного момента, и, наконец, он наступил. Однако, хотя бывшие супруги в телефонном разговоре вроде бы и расставили все точки над «и» насчёт проживания Лизы, одна мысль Раисе всё-таки свербила мозг и, как назойливая муха, не давала покоя.

Дело в том, что она прекрасно знала, как несладко живётся её бывшему супругу с его беззлобным характером и мягким, как валенок, сердцем, под каблуком вздорной капризной бабы, которая, по словам самого Петра Семёновича, тотчас же после свадебной церемонии прочно уселась ему на шею и вертела им, как поленом.

Об этом он сколько раз жаловался своей бывшей половине, которая не будучи злопамятной, искренне ему сочувствовала.

Конечно, Раиса Ивановна была в полнейшем недоумении: как мог её Пётр, балагур и весельчак, знающий себе цену и менявший в молодости женщин, как перчатки, остановиться на какой-то странной желчной особе, не отличающейся к тому же ни красотой, ни умом, ни какими-то талантами, вдобавок сумевшей захватить власть над мужиком, причём, не самым последним. «Да за такого, как Петя, – восклицала возмущённо Раиса Ивановна, – пошла бы любая баба, красивая и добрая, не то, что эта змея подколотная!»

Но делать нечего, кроме, как у Петра Семёновича, Лизоньке в Санкт-Петербурге в настоящее время негде было притулиться, да и, зная кроткий, в то же время твёрдый характер дочери, мать лелеяла надежду, что Лиза, если надо, даст отпор любому, кто бесцеремонно залезет в её личное пространство и посягнёт на её свободу.

Наконец, когда окончились последние приготовления к отъезду и семья в полном сборе по русскому обычаю присела на дорожку, мать, стойко державшаяся до последнего, с увлажнившимися глазами перецеловала поочерёдно своих драгоценных отпрысков и, припав к Лизиному плечу, дрогнувшим от волнения голосом дала ей наказ:

– Доченька, на тебя у меня вся надежда, не спускай с них глаз, а вы, мальчишки, держитесь за Лизу... если что-то пойдёт не так, немедленно звони и пиши мне. Я, наверное, не скоро к вам выберусь. А деньжата кончатся, ещё подкину, слава Богу, у меня маленький запасец есть.

Она бессильно опустила на стул и, не выдержав эмоционального напряжения, дала волю слезам. Роберт, обычно не любивший «телячьи» нежности, в этот раз своими сильными руками нежно обнял мать и с пафосом пообещал ей сделать всё, чтобы она гордилась ими. Растроганно глядя на своего любимца, Раиса Ивановна вытерла слёзы и, напустив на себя строгость, погрозила пальцем в его сторону и в Лизину тоже:

– Не вздумайте, ради бога, с кем-то конфликтовать! И, пожалуйста, ребятки, припрячьте далеко-далеко свой строптивый характер и какие-либо крамольные мысли. А то я вам покажу, где раки зимуют... не забывайте русскую пословицу, что ласковое дитяток сосёт две матки. Что толку я вон всю жизнь на дыбы лезла! Чего хорошего добились!

Она махнула рукой и опять навзрыд зарыдала.

...В десять часов, ясным солнечным утром на самолёте, державшем путь в Санкт-Петербург, летели Ивлевы; они были похожи на испуганных птенцов, нечаянно выпавших из родного гнезда. Что их ждёт в новой жизни? Бог весть.

Город на Неве встретил наших путешественников хмурым ветром и туманной сыростью. Нудный дождик, как из сита, мелко моросил, однако на эти мелочи они не обращали внимания. Пусть погода здесь не ахти какая, зато, наконец-то, мечта сбылась.

Этот опостылевший Кукон остался позади, и в ближайшее время он, видимо, предстанет перед их взором разве лишь в чудовищном сне.

Повеселевшая Лиза в порыве хотела предложить братьям прогуляться по набережной, но тотчас же спохватилась, вспомнив, что мама давала наказ вначале устроиться, а уж про гулянки думать потом. Она отдала свою поклажу Роберту и попросила братьев её подождать, а сама тем временем зашла в павильон, где продавалось мороженое. Затем раздала всем по две порции, и они с лакомством в руках отправились сначала туда, где проживала Ольга Ивановна. Долго кружили по незнакомым улицам, как зайцы, петляли по переулкам; вызвали такси и, наконец, приехали по нужному адресу.

Ольга Ивановна проживала в старом пятиэтажном доме, сталинских построек. На звонок она долго смотрела в глазок прежде, чем открыть дверь. Увидев на пороге сразу четверых Ивлевых, впечатлительная тётка перепугалась не на шутку, ибо подумала, что семейство в полном составе намеревалось перекантоваться именно у неё. Приземистая и неказистая, с крупными бигудями на – жирных седых волосах, – она, к слову сказать, была полной противоположностью статной, стройной Раисе Ивановне.

В мятлом халате, волочившимся по полу, она, не приглашая гостей пройти, прищурила свой колючий, неопределённого цвета глаз, а другим – в упор посмотрела на Лизу. В эту минуту пожилая тётка

чем-то напоминала маленький вопросительный знак.

У неё чуть было не вырвался каверзный вопрос насчёт того, что, мол, куда она денет такую ораву, как догадливая Лиза спокойным голосом пояснила:

– Тёть Оля, да вы не волнуйтесь, у вас пока проживут только Олег и Игорь, как вы и договаривались с мамой.

Нет, такая родственница весьма не понравилась ни Лизе, ни Роберту, ни братьям-близнецам. Вместо того, как это полагается в гостеприимных домах, радушно пригласить уставших

с дороги ребят хотя бы присесть, она стояла на пороге, подбоченясь, и всё повторяла одно и то же низким, как иерехонская труба, голосом:

– Так вот оно что, гм... гм... вот оно что.

Лизе от души стало жаль Олега и Игоря: сникшие и подавленные, нахохлившиеся, как воробы, они стояли, опираясь на дверной косяк, и исподлобья поглядывали на свою неприветливую тётку. Бог ты мой, думала она. И с такой ведьмой, такой мегерой братишкам предстоит жить! Она твёрдо решила, что при первой же возможности определит близняшек в более подходящее место.

Чтобы хоть как-то задобрить суровую родственницу, Лиза отвернулась и вытащила из нагрудного кармана деньги, которыми снабдила её мама. Рассудила так: она добавит половину своих денег Ольге Ивановне, а те, что у братьев, пусть так у них и остаются, бедняжкам они больше пригодятся. Ведь она сама находится в более привилегированном положении, чем они; она будет жить у родного отца, а это наверняка не одно и то же, чем под крышей у злюки-тётки.

При взгляде на пачку денежных купюр с тёткой Олей моментально произошла метаморфоза. На щеках у неё заиграл румянец, маленькие глазки, как помытые пуговицы, заблестели, она уже мягким голосом приговаривала:

– А я как раз ремонт затеяла, теперь эти денежки пригодятся. А ребятам у меня, думаю, хорошо будет. У меня телевизор новый, большой, только нынче молодёжь больше у телефона торчит, да и свет у нас больно дорогой.

Она ещё что-то бубнила себе под нос, но Роберт и Лиза её уже не слушали. Оставив младших в этой квартире, они с тяжёлым сердцем пошли обратно по обшарканной и заплёванной лестнице.

Совсем другая картина была при встрече с Настасьей Ивановной. Она поочерёдно прижала к своей пышной груди сначала Роберта, потом Лизу, досыта накормила их вкусным наваристым борщом, – точно такой же варит и их мама, – на второе подала сочные куриные котлеты собственного приготовления, а на десерт – изумительный бисквитный торт. Всё это мастерица сделала своими руками.

Про деньги гостеприимная женщина даже и не упомянула. Зачем они ей? Её «свет в окошке» – любимый племянник Роберт был теперь при ней, а больше ей ничего и не надо было в этой жизни. Кстати, собственных детей у Настасьи Ивановны не было по неизвестной причине. Глядя на ладную фигуру тётки, на её воодушевлённое, с гладкой, как у молодой, точно отполированной, белой кожей лицо, Лиза с радостью думала о том, что хоть Роберту, которого, кстати, она любила больше, чем других братьев, и он платил ей тем же, чрезвычайно повезло, теперь он у тётки будет как сыр в масле кататься.

Разговорчивая тётка, с присущей ей тактичностью поинтересовалась у племянников житьём-бытьём в Куконе. Когда речь зашла о недавнем пожаре, она заохала и, сетуя, сказала:

– Я Рае давно говорила: перебирайся и ты с ребятами к нам. Ну что там ей сейчас одной делать! А вдруг из-за зависти подлые люди опять ей какую-нибудь пакость устроят. Что с них станет? И никто искать не будет виновников. Да, ребятки, а вас я хочу предупредить: пожалуйста, будьте осторожны у нас. Какие-нибудь проходимцы и разные хмыри могут вас в два счёта облапошить. А ещё не вздумайте гулять по городу вечерами, а тем более, ночами, да ещё в одиночку. Преступников у нас – тьма. Так и шныряют, так и шныряют. Я, даром, что не старая ещё, а после четырёх на улицу ни ногой... так-то, мои дорогие красавчики, намотайте всё это себе на ус.

Своей сестре Ольге, о которой зашёл разговор, Настасья Ивановна дала весьма нелестную характеристику.

– Скрыга она ужасная, и в кого она такая – не знаю, мы с ней давно уже не в ладах. Вряд ли ваши братишки с ней уживутся, да с ней сам ангел не выдержит, у неё, даром, что

она мне сестра родная, зимой горсточку снега не выпросишь. Вот посмотрите, выманит она у мальчишек все деньги, да и выгонит их вон.

Лиза лишь вздохнула: какой толк об этом говорить, если и сама она знает, что мама сделала большую ошибку, направляя близнецов к этой странной гонористой тётке.

Она поднялась с кресла, поблагодарила Настасью Ивановну за тёплый приём и уже было направилась к выходу, но хозяйка стала уговаривать её переночевать у них.

– Нет, нет, нет, ни за что тебя не пушу, – приговаривала она, а затем отдёргнула с окна тяжёлую плюшевую портьеру яркого малинового цвета.

– Видишь, на улице темно, ни зги не видно, да и дождь сильно разошёлся, так и хлещет, так и хлещет...

Роберт стал у двери и с улыбкой шутливо закрыл сестре дорогу.

– Не выдумывай, Лизок, а переночуй лучше-ка у нас, – он уже начал привыкать к своему новому месту жительства, – а утром пойду вместе с тобой.

Лиза всю ночь не спала, прислушиваясь к монотонно стучавшему по крыше дождю. Тревога в душе, мешающая заснуть, всё разрасталась, как разрастаются тучи в грозу, а сердце, словно стиснутое со всех сторон прищепками, щемило, наводя тоску. Лишь под утро, когда уже забрезжил рассвет, девушка задремала, и за какое-то короткое мгновение приснился ей довольно странный сон: как будто её отец, которого она видела только в детстве и которого весьма плохо помнила, с виноватым выражением на лице, растопылив руки, старался её поймать, когда она с какой-то высокой скалы хотела сигануть в воду.

В последний момент ему это удалось, и он с радостью заключил её в объятия.

Глава пятая

Утром Лиза, задумчивая и встревоженная, так как не отошла ещё от странного сна, шла по городу в поисках нужного дома; рядом с ней с баулом бодро шагал Роберт. В отличие от Лизы он пребывал в прекрасном настроении, то и дело посвистывал и напевал какую-то лихую мелодию себе под нос, не обращая внимания на прохожих. В самом деле у нашего красавчика-героя, на которого то и дело оглядывались изумлённые женщины разного возраста, совершенно не было, во всяком случае пока оснований для какой-то тревоги. В этом огромном престижном городе живёт его супертётушка, которая уж точно будет его лелеять, словно редкий экзотический цветок.

А поскольку Роберт был человеком широкой души, он ничтоже сумняшеся протянул сестре денежные купюры, из тех, что на его долю достались от матери.

В ответ на недоумённый взгляд Лизы он небрежно бросил:

– Забирай их себе, Лизок. Они тебе лучше пригодятся. Я же видел, что ты свои отдала тётке Ольге на наших оболтусов. Да и сама знаешь, что тётка Настасья готова носить меня на руках.

Как выяснилось, Пётр Семёнович Золотарёв, Лизин отец, жил на окраине города и вовсе не в обычном многоэтажном доме, а в роскошном трёхэтажном коттедже с высоким прочным забором, мраморными колоннами и парадным крыльцом, куда гармонично вписывалась грозная статуя косматого льва. Роберт не мог оторвать восхищённого взгляда при виде этой картины. Разумеется, по меркам Санкт-Петербурга и иже с ним крупных городов, это был обыкновенный стандартный дом, какие здесь сплошь и рядом. Иное дело, когда смотришь на все эти прелести глазами сельского жителя.

Отец Лизин оказался, вопреки представлениям, с виду ещё бравым молодцем, хотя за плечами у него было ни много ни мало, а пять десятков лет. Глаза у него были чёрные, яркие, как уголья, и такого же цвета аккуратно подстриженные бакенбарды, так шедшие к его сохранившему ещё задорное выражение лицу.

А ещё, что поразило гостей, это его статная и без единого намёка на брюшко фигура.

Зардевшуюся от смущения Лизу отец ещё во дворе обнял и расцеловал в обе щёки со словами:

– Какая ты у меня, Лизонька, писаная красавица! А ведь я тебя последний раз видел, когда ты ещё под стол пешком ходила!

Роберта он шутливо потрепал за подбородок, и когда тот нерешительно остановился перед входной дверью, он подтолкнул его, весело воскликнув:

– Заходи, заходи, мы такими кавалерами не разбрасываемся!

– Да это же, папа, мой брат, мы же целой семьёй в город приехали, разве тебе мама ничего не говорила, – пояснила Лиза.

– Конечно, Раечка мне обо всём говорила, просто я Роберта в упор не узнал. Какие вы красавцы оба! Да по вас тут весь Петербург будет сохнуть, – полушутя-полусерьёзно говорил хозяин. Он под одну руку бережно взял Лизу, под другую – Роберта и повёл их в дом.

А там сестре и брату сразу бросилось в глаза то, что только Пётр Семёнович, как белка в колесе, крутился вокруг них. Именно он велел домашней прислуге накрыть стол и, кстати сказать, тот буквально ломился от изобилия блюд: в центре стола была чёрная паюсная икра, рядом красовался запечённый судак, а уж шампанское лилось рекой, правда, Роберт его едва пригубил, а Лиза, та и вообще не притронулась. На десерт подали мороженое нескольких сортов, а также торт-великан, занимавший чуть ли не половину стола.

Ради своей дочки Пётр Семёнович не утерпел и пригласил на встречу своего соседа, генерала в отставке, совсем уже пожилого человека с сединами и лысиной, с весьма отвисшим брюшком, кое он нёс впереди себя, как некую драгоценную вазу.

Генерал Тихон Поликарпович Митрохин после каждого бокала с шампанским долго отдувался и покрывал. Между тем его моложавая супруга, белокурая зеленоглазая особа с хищным взглядом, сражённая наповал красотой Роберта, всё время откровенно строила ему глазки.

И только хозяин, а не его жена, развлекал приезжих, как мог, знакомил их с разными достопримечательностями в доме. На первом этаже, например, весело бил фонтан, обдавая всех крупными брызгами, а рядом был со вкусом и по-современному отделанный, весь из белоснежных скульптур в виде забавных божков, бассейн.

Лизин отец сразу предложил нашим героям искупаться, но как Лиза, так и Роберт, сославшись на утомлённость, отказались. По правде говоря, они не могли прийти в себя от удивленного.

Про Лизину же мачеху, Лидию Петровну Прыхину, которая не раз ещё в нашем повествовании будет фигурировать, можно сказать, что она, как это ни странно, не выдавила из себя ни единого слова. Правда, она находилась тут же, но всё время как-то уж пренебрежительно поглядывала на Лизу с братом, надменно щуря свои выпуклые белесоватые глаза и сжимая узкие змеевидные губы.

А поскольку автор считает, что внешность в человеке, будь он даже неадерталец, играет далеко не последнюю роль, а даже наоборот: каким-то образом влияет на характер, то не могу не отметить следующую деталь. Сравнивая наружность Петра Семёновича с наружностью его половины, можно смело сделать вывод, увы, не в пользу последней. Конечно, нельзя и палку перегибать, говоря, что эта пара – «красавец и чудовище».

Потому что у супруги Золотарёва ещё, между прочим, сохранились кое-какие остатки былой привлекательности, выражающиеся, во-первых, в густой копне чёрных волос, а, во-вторых, когда-то соблазнительных ямочках, а теперь просто впадинках на пухлых щеках.

Всё же Пётр Семёнович, как ни крути, со своей царской осанкой весьма затмевал супругу.

А теперь, пока Лиза отдыхает в специально отведённой для неё просторной с высокими потолками комнате, с огромным, последней модели телевизором на стене, с позволения читателей расскажу о том, какие страсти бушевали в данном доме до её приезда.

Сказать, что госпожа Прыхина расстроилась новостью на тот счёт, что к ним вдруг приезжает Лиза Ивлева, значит ничего не сказать. Для неё это было сродни кораблекрушению, жертвой коего она стала. Эта новость вначале ввела её в ступор, а затем она начала метать громы и молнии, с той лишь разницей, что гроза хотя бы на минуту смолкает, а Прыхина брюзжала, не зная устали.

Больше всего уже немолодую даму шокировало то, что эта, по её выражению, «деревенщина» приезжает не просто в гости, а вообще так сказать на неопределённое время, следовательно, сама она может запросто для Петра Семёновича отойти на задний план.

Конечно, она могла бы вместо пустого брюзжания, взять и пустить в ход куда более действенное оружие, то есть закатить истерику и пригрозить, что если что-то будет не по ней, то она бросится под машину или под поезд, или с моста грохнется прямо в речку.

Да вот беда, данные угрозы, актуальные для прошлых времён, сейчас на закалённого домашними перипетиями Петра Семёновича уже никак не действовали. Тем более, сейчас, в солидном возрасте, грозить мужу самоубийством – это как-то чересчур по-детски что ли.

А вот у самого Петра Семёновича, который раньше пребывал под башмаком у жены, к изумлению последней, наконец-то прорезался собственный голос. Он до того расхрабрился, что из его прежде покорных уст вырвались небрежные слова примерно о том, что если она не согласна, что Лиза будет жить здесь, то может убираться ко всем чертям.

В конце концов, заявил он, всё, в том числе коттедж со всеми его потрохами, куплено на его кровные деньги.

И как пощёчина прозвучали язвительные слова о том, что он, если она не пойдёт на уступки, может и сам покинуть этот дом. Пусть она живёт, как хочет. После этой мужниной угрозы Лидия Петровна была бледнее простыни, иными словами – ни жива, ни мертва.

Жить в одиночку, нет уж —извините, это не для неё. Ведь она живёт исключительно на мужнины деньги, на его не бедную адвокатскую практику. За душой у неё, увы, нет собственной и копейки. А теперь, у неё нет и того, чем раньше она мужа брала, – это, разумеется, волнующих женских чар. То есть она была весьма уязвима, как ахиллесова пята.

В глубине души Лидия Петровна прекрасно это понимала. Сейчас она была в полной материальной зависимости от супруга, или, как говорят в народе, сидела у него на шее, ибо после окончания медицинского института она ни одного дня нигде не работала. Если копнуть глубже, можно сказать, что эта женщина вообще была прирождённой белоручкой. С малых лет родители, – у неё отец и мать были мелкими торговцами, – внушали ей мысль, что самый хороший вуз – это удачно выйти замуж. А самая приличная партия для неё – богатый, пусть и с комплексами муж, который и будет содержать её до гроба.

Слова родителей дочка, как губка воду, добросовестно впитала в себя и после окончания медицинского института, в который она, к слову сказать, попала случайно, вместо работы стала лихорадочно искать претендента на руку и сердце. И тот был тут как тут. На вечеринке у подруги небольшого росточка Лидочка, с пухлыми щёчками и тогда ещё соблазнительными ямочками, без труда покорила молодого состоятельного, не лишённого обаяния адвоката Петра Семёновича Золотарёва. У него, правда, был единственный недостаток, заключающийся в том, что за плечами был один брак, от которого имелась дочь, но мадам Прыхина сей факт не посчитала серьёзным препятствием для осуществления своей цели.

Уже через три месяца после знакомства она припугнула своего кандидата, что, если он не возьмёт её срочно замуж, она тогда – «прямо головой в омут».

Таким образом и захомутили бедного Петра Семёновича. По правде говоря, из-за буйных припадков жены он давно бы уже разорвал эти ненавистные брачные цепи, но пришлось, скрепя сердце, нести этот крест.

Сейчас, хотя и отбушевали брачные страсти, единственной причиной, скрепляющей хлипкую связь между супругами, была совместная дочь Алиса, которая в настоящее время учится в туманном Альбионе.

Глава шестая

Незаметно пролетела неделя, как Лиза обосновалась в доме у отца. Однажды в понедельник после обеда, когда она сидела в своей комнате, перечитывая Хемингуэя, к ней робко постучались.

Смущаясь, зашёл отец и, переминаясь с ноги на ногу, как ученик перед учительницей, протянул ей крупные купюры со словами:

– Вот тут, Лизонька, полмиллиона. Трать, куда хочешь. Конечно, это сущие пустяки, потом я тебе ещё дам...

Он сел с ней рядом на оранжевый кожаный диван, несмело взял её за руку, и лицо у него в этот момент было такое виноватое, точь-в —точь, как из Лизино сна.

– Все это, дочка, сущие пустяки, – опять повторил он, как будто оправдываясь перед ней. Он сделал виноватую гримасу, и лицо у него при этом как-то неприятно вытянулось, а в уголках рта она заметила большую складку. Голос у него звучал как-то глухо.

Она видела, что каждое слово отцу давалось с трудом. Он подносил то и дело руку, глуша небольшой кашель.

– Видишь ли, Лизонька, мать у тебя замечательный человек... – продолжал он перед ней оправдываться, словно был на исповеди у священника... – таких женщин, как Раечка, поискать надо и вряд ли ещё найдёшь... а я, что я? Я просто был круглый дурак, идиот, глупец... потерять такую женщину, тебя, Лизонька, потерять. Нет, мне прощения нет...

В комнате повисла гнетущая пауза. Лиза с любопытством смотрела на отца, стараясь его не перебивать. Всё-таки для неё было загадкой, почему брак у её родителей затрещал по швам. Ведь вот он – отец – весь перед ней: добрый, с подкупающей виноватой улыбкой. Подспудно она догадывалась, что, видимо, дело всё в чрезвычайной гордыне со стороны матери. Ведь она и денег-то от него не принимала, когда они разошлись, отсылала их назад.

Лизе было бесконечно жаль его, она хотела погладить его по голове, как ребёнка, но ограничилась тем, что несмело пожала ему руку, поблагодарила за помощь.

Крайне щепетильная в денежных делах, Лиза распорядилась папиным подарком следующим образом: чуть ли не половину суммы она решила отправить матери, некоторую часть выделить близнецам, так как по информации, дошедшей до неё, она узнала, что положение их очень и очень тревожное. В сущности проживание их в доме у тётки Ольги висит на волоске, и скорее всего в ближайшее время придётся подыскивать для них либо квартиру, либо – другой вариант – комнату.

При встрече с Робертом Лиза предложила и ему часть денег, однако брат категорически отказался, мотивируя это тем, что у тётки Насти ему всего хватает.

– Ты бы, Лизок, не сорила так небрежно деньгами, – осторожно посоветовал он. – Молодец, что отправишь маме. А вот этим болванам, – он имел в виду Олега и Игоря, – деньги доверять никак нельзя.

Зная нелюбовь, а вернее, неприязнь Роберта к младшим братьям, Лиза взмолилась:

– Ну, Робик, нельзя же допустить, чтобы они оказались на улице, ведь они может уже сейчас голодают!

– Лизок, я всё понимаю, но доверять, право слово, деньги им нельзя. Разве ты не знаешь, какие они непутёвые! Мама набаловала их, во всём им потакала. Боюсь, как бы они вообще здесь что-нибудь не выкинули, и за них нам краснеть не пришлось бы, – укоризненно добавил Роберт.

Лиза прекрасно понимала, что старший брат наверняка прав, тем не менее она впервые не послушалась его и с тяжёлым сердцем отдала некоторую сумму Олегу и Игорю.

В течение месяца Лиза от нечего делать (с работой у неё ещё ничего определённого пока не высвечивалось) изучала большой отцовский дом, причём, она старалась не вступать в открытый конфликт с мачехой. Та, кстати, всячески её игнорировала, ни одного доброго слова в её адрес не проронила, только носилась мимо неё, как вихрь, с поджатыми тонкими губами, в изящных туалетах.

Что особенно заинтересовало Лизу, так это целая галерея картин, под которые был отведён самый просторный зал. Надо сказать, что девушка с детства обожала картины таких известных художников, как Шишкин, Айвазовский, Васнецов, правда, в их деревенском доме была только одна копия картины тоже любимого художника Репина.

Здесь, у отца, она буквально отдыхала душой, наслаждаясь богатой палитрой красок, у картины Айвазовского «Среди волн», или же Шишкина – «Корабельная роща». Бродя от картины к картине, она млела и улыбалась, словно была под гипнозом. О, это был её мир, мир её грёз и фантазий!

И вот любопытный нюанс. Среди копий великих русских художников, ей попалось штук шесть картин неизвестного автора, под ними были только ничего не означающие подписи. Кто их рисовал, причём очень и очень недурно? Она задалась целью во что бы то ни стало это узнать, потому что полотна, где был запечатлён городской и деревенский пейзажи, были написаны с такой любовью и с таким знанием, что невозможно было от них оторваться.

А однажды Лиза была по-настоящему потрясена: в одной комнате, а вернее, это был чей-то рабочий кабинет, она увидела большую фотографию в рамке, где запечатлён молодой человек, которому на вид можно было дать от силы лет девятнадцать.

Это был брюнет с пронзительным взглядом, который выражал не то скептицизм, не то насмешку.

Брови у него были чёрные, в меру густые, изгибающиеся над глазами, точно два крыла, лицо овальное, слегка смугловатое. Кто это? Этот вопрос быстрее молнии пронёсся во взбудораженном Лизинем мозгу.

Не этот ли красавчик с изломанными бровями приходил не раз к ней в девичьих снах, не за ним ли она могла бы птицей полететь на край света? Да, это именно он и никто другой. А вот кто он и как об этом узнать? На этот вопрос у неё совершенно не было ответа. Если украдкой выведать об этом у отца, что он может подумать? Вдруг догадается, что она без памяти влюблена в него? Да она от стыда просто помрёт.

Может, у других дознаться? Но не у Лидии Петровны же об этом спрашивать? Во-первых, мачеха с ней вообще не разговаривает, а, во-вторых, это было бы для неё хорошим поводом поднять падчерицу на смех.

Что же ей делать? Что ей делать? Слишком впечатлительная Лиза, откровенно сказать, буквально заиклилась на этой фотографии. Она потеряла сон и томила бессонными ночами, мечтая о встрече с прекрасным незнакомцем и заранее ужасаясь при мысли о том, что вдруг прояснится, что он ей не ровня, что она – человек вовсе не его круга и что он вообще даже не захочет с ней знаться.

Как бы то ни было, но бедняжка стояла перед дилеммой: либо попытаться раскрыть тайну и узнать, в конце концов, кто он, либо всё оставить, как есть.

Она была похожа на человека, стоявшего перед сильно запотевшим зеркалом: ему и хочется его протереть, чтобы открылась пусть и не лестная истина, и в то же время хотелось ничего не менять, а по-прежнему быть в приятном заблуждении.

Итак, Лиза, как нередко с ней бывало в Куконе, витала в облаках и даже внешне изменилась, так как печать бессонницы легла на её бледное личико, что не мог не заметить её бдительный папа.

Пётр Семёнович, не на шутку встревоженный её необычайно рассеянным видом, раз, когда она не вышла на обед в столовую, постучался к ней. В это время она лежала с книгой в руках.

– Извини, Лизонька, – начал отец своим обычным виноватым тоном, присаживаясь на край постели, – хотел узнать, как ты себя чувствуешь? Не болеешь ли?

Он как-то неловко и надсадно кашлянул, затем положил свою ладонь на её прохладный лоб и, немного успокоившись, продолжал допытываться:

– Может, тебя что-то угнетает, так ты скажи мне... я всё сделаю. И потом, доченька, ты такая у меня молоденькая и красивая, а сделалась домоседкой. Сходите с Робертом в театр, в музей, или просто погуляйте по набережной... ну ещё, к – хе ...к-хе... куда-нибудь.

Лиза привстала и, залившись румянцем, уткнулась лицом в колени. Она испытывала чрезвычайную неловкость оттого, что доставила неудобство отцу: значит, у неё всё написано на лице, если он заметил. С другой стороны, сейчас ей подвернулся вполне нормальный момент: почему бы ей небрежно эдак у отца поинтересоваться, а чья это, мол, фотография у них висит.

Она, стараясь быть бодрой и жизнерадостной, с просветлевшим лицом мягко проговорила:

– Не беспокойся, папочка, у меня всё в порядке. В театр с Робиком мы, конечно, ходим. У тебя самого-то как дела, главное, как здоровье? Что-то мне твой кашель, папа, не нравится. Тебе надо к врачу обязательно обратиться. – Лиза с участием смотрела на отца. Как жаль, что она выросла без него, а теперь и рада бы быть с ним откровенной, да что-то мешало ей, между ними была если не глухая стена, то по крайней мере прочная перегородка.

Лидия Петровна по-прежнему, опасаясь гнева супруга, избегала прямых столкновений с падчерицей. Но в последнее время ввиду того, что к ним зачастила генеральша Эльвира Митрохина, – та в сущности дневала и ночевала у соседей, – она мало-помалу осмелела.

Обе дамы, весьма скучали от ничегониделания, а со скуки, упражняясь в злословии, перемывали косточки своим друзьям и приятелям. А если вдруг Лиза попадалась им на глаза, то третировали и её заодно.

Как-то генеральша, сидя рядом с Лидией Петровной у камина, увидела проходившую мимо с задумчивым видом Лизу, прищурила левый глаз, отчего лицо у неё сильно стало похоже на хищную птицу, и не сказала, а пропела гнусавым голосом:

– Отчего это наша гостья нас игнорирует? Если хотите, барышня, это по меньшей мере невежливо.

Подкрепляя слова жестом, Митрохина пригласила Лизу присесть с ними рядом, и обе госпожи самым бесцеремонным образом буквально учинили ей допрос.

– Слышала я, Лиза, что ваша мама работает трактористкой. Она что сама трактор водит?

Как человек неглупый, Лиза не могла не уловить насмешку, сквозившую в голосе данной госпожи, но помня мудрые мамины наставления, она сдержала свой гнев и спокойно, с достоинством, приподнимая свои красиво очерченные брови, ответила:

– Нет, моя мама не просто тракторист, она фермер.

– Гм... гм... – произнесла, высокомерно вскидывая голову, Лидия Петровна, – а почему она, интересно знать, не могла найти себе работу более женственную, что ли. Я вот, например, по профессии врач. А мать твоя что-нибудь закончила?

Внутри у Лизы, будто в чайнике, всё так и кипело.

«Не врач ты, а грач! – так и подмывало её бросить ей в лицо колкую реплику, – как будто я не знаю, что ты ни одного дня не работала и даже уколы как следует не научилась делать».

Однако вслух она произнесла:

– Это кому что. Моя мама, например, закончила сельскохозяйственный институт, а фермером стала, потому что надо было нас поднимать на ноги, дать образование. Между прочим, она нисколько об этом не жалеет.

– М-да... м-да ...м-да, – повторяла генеральша, покачивая головой и ненароком вздохнув свои ярко-рыжие, как пламя, волосы. – Разумеется, вы, Лиза, правы, человек волен сам распоряжаться своей судьбой, тем не менее, мне кажется, что нормальные мужчины не любят женщин, которые, как бы правильно выразиться... ну допустим... в чёрном теле. А любят интеллигентных женщин. Ты как, Лидочка, считаешь? – обратилась она к своей приятельнице, заранее зная, что та будет ей поддакивать.

– Совершенно верно, ты правильно, Эльвирочка, рассуждаешь, очень даже правильно, мужчины не дураки, они, если видят, что женщина стала просто-напросто мужичкой, сразу её бросают.

Было ясно, как день, что эти две желчные дамы кидали камешки в огород Лизиной мамы. А потому неудивительно, что в душе у Лизы бушевала целая стихия. Но она снова сдержала вырывающееся наружу негодование и опять спокойно и отдельно, подчёркивая каждое слово, с гордостью произнесла:

– Видите ли, в чём дело. Интеллигентен человек или нет – это, как вы, наверное, слышали, не зависит от характера его работы. Интеллигентным может быть и скотник, и доярка. Важно, как человек себя ведёт, какой у него образ жизни, какими категориями он мыслит и так далее. Вот моя мама, к примеру, очень начитанный человек. Книги, особенно зарубежную классику, она, когда выдаётся свободное время, читает запоем. А можно я вас спрошу? Вот вы, например, знаете, какой смысл в выражении «ахиллесова пята?» А знаете, кто автор произведения «Шагреневая кожа?» Приятельницы молчали, пренебрежительно фыркая носами.

И тут Эльвиру будто подменили: на лице у неё словно по мановению волшебной палочки появилась любезная мина, извиняющимся тоном она, нисколько не стесняясь, начала осторожно прощупывать почву насчёт Роберта. Сколько ему лет? В какой сфере он работает? Как у него дела на личном фронте?

Последний вопрос Лизу просто ошаршил. У неё промелькнула мысль: зачем вообще этой несколько странноватой замужней особе знать, кем в данный момент увлечён её брат и вообще о его интересах. Можно подумать, что у Роберта с этой генеральшей есть что-то общее. Наверняка эта изнывающая от безделья дамочка в него втюрилась, что, впрочем, неудивительно – ведь у Роберта внешность просто неотразимая, – и по своей глупости имеет на него какие-то виды.

Глава седьмая

И вот, когда они с Робертом возвращались из театра, она с усмешкой сообщила ему, что он сильно

понравился некой даме, и та прямо-таки жаждет его увидеть.

– Что ты выдумываешь, Лиза? Мне сейчас ни до чего нет дела, одна мысль меня волнует: поскорее бы найти более – менее приличную работёнку, чтобы хоть как-то себя проявить, – раздражённые нотки проскользнули в голосе у Роберта.

После бесплодных поисков, коим он посвятил почти два месяца, он, наконец, нашёл себе место в одной мелкой частной газетёнке, но, увы, его одолевали сомнения: удержится ли он тут? Дело в том, что редактор – низенький человек, с плешивой головой, однако с большими амбициями, раза два уже в приказном тоне заставлял молодого сотрудника писать лживые статьи.

А поскольку Роберт привык писать только чистую правду и ему претил беспочвенный компромат на кого-либо, то он, ничуть не колеблясь, отказался от поручения. Теперь его, как тля железо, точили сомнения: не рубит ли он сук, на котором сидит, ведь мама при прощании учила ни в коем случае не лезть на рожон, иначе никуда не пробьёшься. И что интересно, он бы потерял, если б написал, что некий обнаглевший начальник вместо того, чтобы повысить зарплату работникам, набивает деньгами свой личный карман.

Допустим, этот начальник за клевету подал бы на автора в суд, но ведь шеф заранее предупредил его, дабы об этом у него не болела голова: у редакции, мол, богатый покровитель, и деньги на эти цели у них всегда есть. Главное, говорил шеф, – это вовремя выстрелить, а дым... что дым, дым всё равно рассеется.

...Когда Лиза, едва не прыкая со смеху, сказала о некой даме, в него влюблённой, ему, озабоченному другими проблемами, было не до каких-то интриг. Тем не менее он пошёл вместе с сестрой к ней домой.

Там, как и ожидалось, уже сидела генеральша Эльвира. Обе дамы оживлённо судачили о том, о сём, временами заламывая руки и закатывая вверх глаза.

Завидя Роберта, Эльвира, жеманно улыбаясь и томно поводя глазами, поплыла навстречу молодым людям.

– Думаю, ваша сестрица не будет на меня в обиде, – произнесла она шутливым тоном, обращаясь к Роберту, – если я на минуту вас похищу. Меня проинформировали, что вы большой знаток по многим вопросам. Так вот я хочу кое-что выяснить для себя.

К изумлению Лизы и самого Роберта, она взяла последнего под руку и, как овцу на заклание, не спрашивая у него согласия, повела его в тенистый сад, что был при доме. Ему ничего не оставалось делать, как сесть вместе с этой дамой на затейливо раскрашенную скамейку.

С минуту Эльвира молчала, испытующе глядя на смущённого парня, и сбивая свою причёску на левую сторону: кто-то ей сказал, что так она выглядит моложе. Она начала разговор вкрадчиво, издалека: как он, например, относится к разного рода путешествиям.

Всё ещё не отошедший от удивления Роберт как-то уклончиво и неопределённо ответил, что путешествия, видимо, обновляют человека. Тут Эльвира, как маленькая девочка, восторженно захлопала в ладоши и с возгласом «молодчина!» привстала. Compliments в его адрес сыпались из её уст, как из рога изобилия, так что Роберт даже не знал, как ему отделаться от столь экзальтированной дамы. Потом она вздохнула и сказала, что они с мужем намереваются где-то месяца через два махнуть куда-нибудь за океан и побывать там, где не ступала ещё её нога, а где она не ступала – это сказать весьма и весьма сложно, ибо, наверное, нет такой страны в мире, где они не успели ещё побывать.

Проклиная её в душе, что она столь нагло и бесцеремонно крадёт у него время, Роберт опустил голову и стал носком ботинка чертить какую-то незамысловатую фигурку на песке. Между тем в своих посягательствах на красивого молодого человека Эльвира разошлась до такой степени, что где прямо, где намёками стала говорить ему о том, что нынешние молодые и весьма привлекательные мужчины, не знающие, куда им в жизни приткнуться, могут свободно найти опору в покровительстве богатых, знатных дам, кои готовы разбиться в лепёшку, но сделать для них решительно всё, в том числе и карьеру.

– Уж поверьте мне, – сказала она, настойчиво лоя его потупленный взгляд, – опытной женщине, что такое положение дел характерно не только для прошлых веков, оно, ой как актуально и нынче.

Придя домой, когда уже сгустились сумерки, Роберт, прежде не любивший смотреть на своё отражение, так как считал свою внешность самой что ни на есть заурядной, теперь некоторое время задумчиво постоял у зеркала, в прихожей.

«Вы как раз подходите для роли такого молодого человека, которому охотно будут покровительствовать богатые и знатные женщины! И запомните: ваше лицо – это ваше главное оружие!»

Эти слова, высказанные Эльвирой, на которые бы он прежде не обратил внимание, теперь точно стрелой пронзили его душу и сердце. Пожалуй, он впервые, разглядывая себя, подумал, что у него очень даже недурные голубые глаза. Он даже подмигнул сам себе. Тётка Настасья, дремавшая в ожидании племянника, по-молодому подскочила с кровати и принялась расторопно накрывать на стол. Ещё с утра она приготовила аппетитные пельмени, салат «оливье», не поленилась сходить в магазин за красной копчёной рыбкой, которой, к слову сказать, она любила его баловать.

Ничуть не преувеличиваю, если скажу, что с приездом племянника она почувствовала притупившийся было вкус к жизни, она прямо-таки расцвела, как невеста на выданье.

Мало того, что Роберт доставлял ей моральное удовольствие, он ещё, оказывается, мог починить кое-что по дому. Например, отлично разбирался в сантехнике, так что у неё в случае чего специалист был всегда под рукой. Но всё это, разумеется, не главное, Настасья Ивановна просто его по-матерински любила и жила его жизнью – и этим всё сказано.

...Подперев щеку кулаком, она глазами преданной собаки смотрела на то, как племянник уписывает за обе щёки всё, что она приготовила. До глубины души её трогало то, что Роберт не забывал ей приносить свежий букет цветов. Вот и сейчас в хрустальной вазе красовались белые розы, её самые любимые цветы.

Правда, она заметила, что сегодня он выглядел каким-то озабоченным. Отчего бы это? Наверное, опять у бедняжки какие-то неприятности на работе. Она с сожалением покачивала головой, думая о том, что в нынешние времена на любой работе, будь она самая, что ни на есть золотая, трудно ужиться и человеку с ангельским характером, не то, что такому принципиальному и честному, как Роберт.

– Да ты, Робик, не расстраивайся, если что. Бог с ней, с работой, у меня есть кое-какие запасы, да и пенсию ещё пока, слава Богу, никто не отменял. Проживём всем чертям назло!

Затем в который раз уже намекнула, что после неё всё непременно достанется ему. А её квартира, – хвастливо заявила она, – пусть даже и скромная, но в центре северной столицы, – это не какие-то там хухры-мухры. Какое-никакое, а достояние.

Откровенно говоря, эти довольно прозрачные намёки и полунамёки о наследстве выводили Роберта из себя. Он еле сдерживался, чтобы не нагрубить тётке. И сейчас, с досадой поморщившись, с нескрываемым недовольством бросил:

– Тётя Настя, ну, право слово, сколько можно вам повторять, что мне не нужно от вас ровным счётом ничего. Я и так на вашей шее сижу, стыд – позор, ни копейки ещё не заработал, а ведь мне надо маме ещё помогать.

Между тем хитрая тётка подкрадывалась, словно кошка, с другой уже стороны. Она начала мило и даже кокетливо разглагольствовать о том, (и в этом была схожа с Эльвирой), что, собственно, её «дорогому мальчику» с его превосходной внешностью, ничего в жизни не грозит. Стоит ему только захотеть, и он без труда может найти такую отличную партию, что будет купаться в роскоши и жить себе припеваючи.

– Вот только иные молодые люди, с привлекательной наружностью и талантливые от природы, сгоряча таких могут дров наломать, что всю жизнь будут потом ох как сильно каяться, – добавила она со вздохом, глядя куда-то в сторону.

Роберт при этом вопросительно и с любопытством посмотрел на свою любимую и неугомонную тётку.

Интересно, кого она имеет в виду? Однако Настасья Ивановна вовремя прикусила себе язычок, отложив весьма злободневную тему на другой раз, ибо прекрасно понимала, что быть в глазах своего ненаглядного жильца занудой – это самое последнее дело.

Между тем лестные слова по поводу его обаятельной внешности, услышанные от Эльвиры и родной тётки, вдобавок ещё и раньше от многих других людей, мало-помалу заложили в душу нашего героя зёрна сомнения. Ему всё чаще невольно приходила скептическая мысль о том, что только правдой здесь, увы, не проживёшь. Да и вообще априори было известно, что в Питере ни он, ни Лиза, ни тем более, младшие братья ничего путного не добьются.

Странно, но они все, и мама в том числе, живут с розовой пеленой на глазах. Боже мой, наивные люди! Они ещё надеются, что на них ни с того ни с сего свалится манна небесная. Сам он, смешно сказать, за короткое время умудрился поменять три частные газеты; его, как назойливого щенка, бесцеремонно пинают, когда он только пытается заикнуться насчёт своего мнения. Одним словом, Роберт, как утопающий за соломинку, цеплялся за мысль, что жизнь, как ни крути, ему следует повернуть несколько в другое русло. Проще говоря, шерше ля фам, как говорят французы, то бишь – ищите женщину.

Глава восьмая

Как-то хмурым ноябрьским утром, когда небо сплошь заволокли тяжёлые свинцовые тучи, Роберт медленно, вразвалку шагал по центральной улице города, озираясь по сторонам, и, словно хищник птицу, высматривал потенциального героя в качестве интервьюера. На душе у него было весьма скверно, как будто он только что выпил сильно токсичного напитка.

Дело в том, что накануне шеф в приватной беседе дал ему поручение: сделать уличный опрос на одну из весьма животрепещущих тем, касаемой благоустройства в жилых микрорайонах. Собственно, ничего особенного в том не было, тема как тема, довольно актуальная, Роберт за неё брался не раз, правда, не в этом городе. Но вот нюанс, без которого эта тема газете вряд ли была бы нужна.

Шеф, заранее потирая руки от удовольствия, преследовал одну лишь цель: с помощью данного материала, который надо было преподнести горожанам исключительно в отрицательных тонах, скомпрометировать некоего выскочку депутата, отвечающего за этот участок работы.

Таким образом Роберт, увы, опять оказался в роли подопытного кролика, желания коего совсем не учитывались. Тем не менее на этот раз он, скрепя сердце, согласился. Как и следовало ожидать, он легко нашёл общий язык с пожилыми людьми, кои обычно всегда и всем были недовольны. На все его вопросы, которые, впрочем, больше напоминали ответы, они дружно с ворчливым оттенком говорили то, что ему как раз-то и было нужно.

Довольный тем, что ему так быстро удалось завоевать аудиторию, Роберт, посвистывая, ускорил шаг, но тут его вдруг окликнул чей-то звонкий чистый голос:

– Молодой человек! Можно вас на минутку?

Он недоумённо оглянулся. К нему, приятно улыбаясь, приближались две дамы, обе стройные, золотоволосые, с умеренным макияжем, одна высокого роста, другая – чуть пониже, худенькая.

– Молодой человек! – произнесла с кокетливой улыбкой и как-то нараспев та, что пониже. – Если вы журналист, то вы очень и очень мне нужны. У меня имеется для вас одна весьма любопытная темка. Берите, пока бесплатно предлагаю, – шутливым тоном добавила она. Её попутчица, стройная блондинка, постояв молча с минуту, затем, чему-то загадочно усмехнувшись, свернула в переулок, мерно постукивая высокими каблучками.

А Роберт, всё также недоумевая, шёл следом за обаятельной незнакомкой, напоминавшей своими пухлыми губками и миловидной мордашкой Мэрилин Монро. Всю дорогу она не переставала щебетать о своих пристрастиях, о том, что она весьма увлекается путешествиями и что когда-то вкусила от журналистики горький плод. Всего три месяца работала корреспондентом на телевидении, но после того, как повздорила из-за одной чепухи с главным редактором, последний быстро указал ей на дверь.

– После этого я, ничуть не колеблясь, порвала с журналистикой, так как поняла одну пренеприятную истину: журналистский коллектив – что свора бешеных собак, каждый, чтобы выжить, старается другого схватить за горло, – весело заявила она и в который уже раз пристально посмотрела на своего спутника, у коего в голове тем временем роилась масса вопросов. И главный из них: зачем он ей понадобился? Неужто эта красивая блондинка, с ослепительными голубыми глазами, и впрямь хочет с налёту подсунуть ему какую-то темку?

Но если она – бывшая журналистка, тогда какого рожна обратилась к незнакомцу? Могла бы и сама настроичить нужную статью.

Но как бы там ни было, а ему эта миловидная дама чем-то определённо понравилась. Он даже толком не знал, чем она ему с первого взгляда пришлась по душе. Может, своей милой

непосредственностью? Она немного картавила, но это её ничуть не портило, а, напротив, придавало ей некий шарм. А эти её пухлые губы, загадочная, как у Минервы, улыбка!

Боже мой! Эта женщина наверняка кого угодно сведёт с ума! Он и сам почувствовал, как у него слегка закружилась голова, впрочем, причиной тому могло быть то, что у него с утра во рту не было ни крошки. Он гадал, замужем она или нет, и сколько ей лет? Впрочем, последний вопрос не особенно его допекал, так как приблизительно он знал ответ. Выглядит она довольно молодо, тем не менее, года на четыре старше его.

Женщина, словно прочитав его мысли, обернулась к нему и, лукаво посмотрев, произнесла:

– Вы извините меня, что я не представилась. Зовут меня Диана. Диана Агаева. Муж мой сейчас в рейсе, он капитан дальнего плавания, живу я вместе с сыном, ему семь лет, он первоклассник. Сейчас я нигде не работаю, с Ромкой хватает забот.

Она с милой улыбкой и непосредственностью протянула ему свою прохладную маленькую, словно кукольную, ручку. Он пожал её, глупо улыбаясь и чувствуя себя круглым идиотом: в самом деле зачем он совершенно не к месту бухнул – «спасибо».

Она жила в большом коттедже, который, как две капли воды, был похож на тот, где сейчас живёт вместе с отцом его сестра. В доме, кроме домработницы, никого не оказалось.

– Проходите, господин журналист, не стесняйтесь. Вот сюда лучше. – Она взяла его за руку и провела в небольшую, но весьма уютную комнату, где всё так и сияло голубизной. Голубыми были стены, голубой был потолок и полы – этого же небесного цвета, но что его более поразило: многие предметы здесь также были в этих приятных оттенках.

Поймав его взгляд, полный восхищения, она, зардевшись, пояснила:

– Просто голубой цвет мой самый любимый ещё с детства.

Любопытный нюанс: Диана, как сама призналась, была родом из села, где проживает её мама и где на каникулах сейчас её сын Ромка. Правда, село это гораздо крупнее, чем Кулон, тем паче, что оно является ещё и райцентром. Задев тему родных корней, Диана совершенно искренним тоном, нисколько не рисуясь, доверительно сказала, что её постоянно тянет туда, где она родилась, и что она бы и сейчас, словно на крыльях, помчалась к матери, да, увы, её тут удерживают некоторые дела.

Слушать щебетания этой дьявольски привлекательной женщины – для Роберта было, по правде говоря, одно удовольствие, она его пленила до такой степени, что он буквально растворился в ней, словно комочек сахара в горячем чае. Такого ощущения с ним давненько не было, а вернее, это чувство он испытывал первый раз в жизни. Общество Дианы – это как бальзам на душу. Любуясь её маленькими алебастровыми ручками, томным, с поволокой взглядом, он с горечью думал о том, что ему доселе не попадалась ни одна мало-мальски очаровательная женщина, в которой было столько неги, столько обаяния, как у Дианы, что не хотелось её покидать ни на одну минуту.

Как далеко не глупый человек, Роберт с первых же минут понял, что никакой темы для него у неё нет и в помине, то был лишь предлог – пообщаться с ним. Что это означало? Видимо, не что иное, как то, что он ей просто-напросто понравился, либо она им заинтересовалась, а это почти одно и то же. Отсюда вывод напрашивался сам собой: наступает новая жизнь с новыми соблазнами и приятными открытиями – в ней нет места дурацкой меланхолии, мучившей его в последнее время. Правда, занавес над этой загадочной жизнью лишь приоткрылся на какую-то ничтожную щёлку, но разве он не способен, чёрт побери, распахнуть его во всю ширь.

Словно пьяный под впечатлением новизны, в которую он сегодня окунулся, возвращался Роберт домой. Тётка явно была ошарашена необычным поведением племянника: во-первых, вернулся слишком поздно, когда уже весь дом спал, во-вторых, прошёл к себе молча, словно воды в рот набрал, тогда, как она ни на минуту не задремала, его дожидаясь. А, в-третьих, он ни

с того ни с сего нарушил им же самим установленный ритуал: дарить ей цветы по возвращению домой.

Пока он плескался в ванной, тётка Настасья, в халате и в фартуке, с недоумённым видом сидела на кухне.

– Нет, тётъ Насть, я сегодня не буду ужинать, сыт по горло, – бросил он, проходя к себе в спальню. Сейчас ему не хотелось ни с кем разговаривать.

Однако от пронырливой тётки не так-то просто было отделаться. Она привыкла к тому, что Роберт всегда с ней откровенничал и не хотела ни за что изменять этой традиции.

– Ты что, Робик, с женщиной был? – допытывалась она, пряча улыбку в уголки рта.

– Совершенно верно, тётъ Насть, я сегодня познакомился с одной чудесной шикарной женщиной, но обо всём давай лучше завтра.

После такой приятной новости Настасья Ивановна задумалась: ей уже не очень хотелось преподнести ему свою новость из Кукона. Но она всё же решилась сказать:

– А тебе, Робик, письмо... от Сони Кудрявцевой.

– А... ну давай, завтра прочитаю, – безразличным тоном протянул он, причём, поморщившись, что не могло укрыться от зоркого глаза Настасьи Ивановны.

«Видно, к той, деревенской, он уже охладел, а в эту сильно влюбился... ну дай-то, бог, дай-то бог, может, мальчику, наконец-то, повезёт», – радовалась она за племянника и незаметно уснула.

Роберт в свою очередь под богатырский тёткин храп, благополучно доносившийся из соседней комнаты, всю ночь ворочался с боку на бок на своей жаркой постели. Он много думал о своей новой знакомой, с удовольствием перебирая, как фишки в казино, все детали сегодняшнего бурного дня. Словом, почти все эмоции он расплёскивал на Диану, и совсем малая их толика досталась на долю Сони Кудрявцевой, причём, к последней он испытывал сейчас только досаду и ничто иное. Для него было ясно, как день, что подруга детства совершенно не вписывалась в его новую жизнь, она была, как бы правильно выразиться, призрак из прошлого, и ничего, увы, тут не поделаешь. Неужели эта Соня, с досадой думал он, не понимает, что его никогда к ней не влекло по-настоящему. Ну почему, почему ей не подсказывает женская интуиция, что он всё время испытывал к ней лишь чувство жалости и ни капли любви.

Справедливости ради, надо сказать, что в эту бессонную ночь от него на орехи досталось не только бедняжке Соне, но и самому себе. Он задавал себе следующие вопросы: почему он, болван такой, сразу не расставил все точки над «и» в их с Соней отношениях? Ну что у него язык бы отсох, если б он честно признался, что не любит её. И вот они все женщины таковы: чуть уделишь им внимания – вообразят какую-то там любовь.

Как бы там ни было, он всё равно чувствовал, как щемит у него сердце от жалости к девушке. У него под книгами до сих пор лежит её пакет с деньгами, который она ему вручила в прощальный вечер. Как она умудрилась собрать ему эти 50 тысяч, которые так и остались нетронутыми?

Глава девятая

Однако прошлое есть прошлое, а настоящее – вот оно! Оно притягивает, как магнитом, манит к себе, как изнывающего от жажды путника к ручью. Теперь у Роберта новая жизнь подчинялась и новому графику: день он проводил на опостылевшей работе, а уже вечером он, как на крыльях, спешил к прекрасной Диане, причём, все выходные посвящались тоже ей.

Но вот что странно: то, что он раньше отвергал с пренебрежением, то бишь – телячьи нежности, теперь, когда они исходили от любимой женщины, он таял от них, как тает снег по весне. Расскажи он, к примеру, кому-нибудь, что его дама сердца, как малыша грудного, кормит с ложечки, наверняка прыснули все бы со смеху. А он лишь снисходительно посмеивался, когда она подносила ему ложку ко рту с каким-нибудь лакомством и радостно взвизгивала, если он успешно проглатывал содержимое.

Они могли часами сидеть на диване и, с нежностью друг у друга лоя взгляд, болтать о разной всячине, как то: о пасмурной погоде, которая порядком прискучила, о конце света, который то ли будет, то ли нет, о нынешней весьма меркантильной жизни, когда без денег и на кобыле ни к кому невозможно подъехать. Да и мало ли о какой чепухе могут говорить двое влюблённых, если сердца у них бьются в унисон.

Ни тени облачка не было на их пока ещё безмятежном горизонте; правда, раз ему всё-таки пришлось сделать ей строгий выговор, и вот по какому поводу. Дело в том, что в один прекрасный вечер, он, вернувшись домой, обнаружил у себя в кармане пиджака несколько крупных денежных купюр. Сомнений не было абсолютно никаких. Это Дианины проделки. Вероятно, она вбила себе в голову, что он, де, несчастный нищий журналист, и что ему нечего есть. Вне себя от бешенства он принялся топтать купюры ногами, а потом стал ходить по комнате взад и вперёд, заложив назад руки. В таком состоянии его и застала тётка Настя, вернувшись из магазина с сумкой, набитой продуктами. Она всплеснула руками, заохала, увидев на полу небрежно скомканные деньги.

– О, боже мой... боже мой! Что с тобой, Робик, случилось? Откуда эти деньги и почему они валяются?

Роберт не стал от тётки ничего скрывать и с поникшей головой всё ей объяснил, добавив реплику о том, что его, знать, не любят, раз хотят откупиться деньгами. Настасья Ивановна рассмеялась от души и, подойдя к племяннику, ласково потрепала его за густую шевелюру.

– Ошибаешься, мой мальчик! – возразила она. – Наоборот, это лишний раз доказывает, что тебя любят и очень сильно.

Она, продолжая охать, сняла с себя верхнюю одежду, затем, кряхтя, нагнулась и принялась подбирать бумажки. Потом начала ворчать на тот счёт, что Раиса Ивановна несколько переборщила с воспитанием своих детей. Вот, скажите, пожалуйста, зачем она внушила им дурацкую мысль, что нельзя брать чужое. Конечно, ворованное брать – большой грех, но когда люди дают от души, к чему выпячивать какую-то гордыню. Верно говорят: дают- бери, бьют – беги...

Роберт плохо вслушивался в тёткины менторские слова и сделал всё по-своему. На следующий день при встрече с Дианой на её территории он с весьма недовольным видом протянул ей купюры и сухо, с оттенком злости упрекнул её:

– Ты что меня за Альфонса принимаешь? Или за нищего? Не ожидал от тебя, право слово, такой пакости. А может, ты своим подаянием даёшь мне понять: где я, а где ты?

Диана невинно вскинула свои игривые кукольные глаза и стала терпеливо ждать, когда её «тигрёнок», как она его в шутку прозвала, выпустит свои пары. Потом она, как кошечка, грациозно выгнула свою худенькую спину, потянулась, чмокнула его в щеку и

шёпотом, хотя рядом никого не было, пробормотала:

– Понимаешь, Робик, ну я просто перепутала наши карманы, вот в чём дело! Не злись, пожалуйста, я больше не буду, – она, как нашкодившая школьница, оправдывалась перед ним.

А поскольку сердце у нашего красавчика было мягкое, как валенок, в особенности с прекрасным противоположным полом, он не мог на неё долго сердиться. Словом, Диана его прямо-таки обезоруживала своим звонким голосом и взглядом чистых, меняющих, как хамелеон, окраску глаз. Например, в пасмурную погоду из голубых они превращались в зеленоватые и были похожи на изумрудины.

И тем не менее странная игра, навязанная ею и чем-то смахивающая в перекидного, продолжалась. Правда, с той разницей, что теперь она незаметно и искусно, как фокусник, совала ему купюры куда попало. Раз он даже обнаружил их у себя – (подумать только) – в ботинках. Бог знает, как она умудрялась это делать. А главное – с какой целью? Но как бы там ни было Роберт по-прежнему, ничтоже сумняшеся возвращал их обратно, правда, с единственной разницей, что теперь он её не журил. Вообще, чем больше Роберт её узнавал, тем больше убеждался, что она была, вероятно, не такая, как все. Она была живая, как ртуть, и, наверное, могла и мёртвого как-то расшевелить. Причём, когда она взбадривала других, то делала это с присутствующим ей артистизмом. Когда у Роберта было мутно на душе, она, чтобы его развеселить, тотчас же превращалась в озорного комика. Напяливала на себя какие-то немыслимые балахоны, надевала громадные на всё лицо очки, брала в руки принесённую со двора сучковатую палку и превращалась то в старуху, то в деда мороза, то ещё бог знает в кого.

Она совершенно не была меркантильной, по крайней мере, в отношении к нему. А как же иначе сказать. Ведь она прекрасно знала, что он гол как сокол, а всё равно любила его, в конце концов, тратила на него своё личное время. И ещё, что ему в ней импонировало, её безумная щедрость. Как – то раз, когда они вечером медленно прогуливались по набережной, им повстречался нищий и тут же протянул свою заскорузлую грязную руку. Она, ничуть не колеблясь, протянула ему целых пять тысяч рублей. Не ожидая такого поворота дела, мужик что было духу припустил от них.

По характеру Роберт и Диана – как два противоположных полюса: он полуфлегматик, а она на 100 процентов холерик, но это ничуть не мешало им получать удовольствие друг от друга, так как и от него и от неё исходили приятные, укрепляющие дух флюиды.

Одно лишь в ней смущало Роберта: это её какое-то странное шарашение из одной крайности в другую в политических вопросах. Сегодня она состоит в одной партии, завтра – прикнётся в другую, причём, ругмя ругая ту, что бросила.

– Понимаешь, засели там идиоты – консерваторы, не дают и глотка свежего воздуха, – жаловалась она Роберту, – нет, мне нужны такие идеи, которые бы дали возможность нам, оппозиционерам, вздохнуть, наконец, свободно. Бывали такие дни, когда она без предупреждения исчезала на неделю, или на две, и он, опустошённый, как выпотрошенная рыба, возвращался домой. Появлялась она также неожиданно, как и исчезала, всегда оживлённая, с сияющими глазами. Первым делом она крепко прижималась к нему и, зная наперёд, что он ей скажет, виновато бормотала:

– Прости, мой тигрёнок, так надо было, понимаешь?

Через несколько минут она уже весело щебетала, рассказывая ему о том, что ей и её товарищам на днях удалось провернуть одну очень важную операцию. Надо было выручить одного очень хорошего человека, которому грозила тюрьма, а для этого пришлось дать кое-кому «на лапу».

Честно говоря, всё это ему весьма претило, он не понимал, зачем она ввязалась в политику, ведь, наверное, даже школьнику известно, что политика – вещь неблагодарная, тем паче ещё и рискованная. А эти её постоянные зигзаги между партиями – это вообще не что иное, как обыкновенное флюгерство.

Примерно такие слова он в запальчивости ей высказал.

– Но не могу же я, мой друг, как страус, спрятать голову в песок и ждать, когда все наши проблемы исчезнут, словно по мановению волшебной палочки, – нахмутив брови, возражала она.

А ведь Диана отнюдь не глупая женщина и не понимает одного: что все, к кому она так или иначе примыкает, её просто-напросто используют. Все эти партии выются вокруг неё, как пчёлы вокруг улья. Ведь будь она без гроша за душой – кому бы она была нужна? Так считал Роберт, сожалея о том, что у его славной подруги, как и у многих людей, в том числе и у него, на глазах словно розовая пелена. Они живут в иллюзиях.

Недавно их компания с Дианой пополнилась одной дамой – Таисией Джугашвили. Последняя дружила с Дианой едва ли не со школьной парты, и Диана, видимо, чрезвычайно доверяла подруге интимную сторону своей жизни. А иначе... иначе чем объяснить тот факт, что она, не стесняясь её присутствия, то и дело, когда наступали паузы, бросалась в объятия своего нового друга. Между прочим, Таисия Джугашвили была полная противоположность своей подруги, ибо ни в каких поползновениях, касающихся политики, она не участвовала, считая эти «глупости» уделом мужчин. Она жила исключительно в своё удовольствие и исключительно на широкую ногу: она делала вояжи по всему миру, почти не вылезала из более или менее престижных курортов. Правда, в последнее время эта тридцатитрёхлетняя особа переживала чёрную полосу в своей жизни: дело в том, что её бросил любовник, который был её младше на целых десять лет. Однако, выбравшись из объятий сего молодчика, она быстро утешилась тем, что её спонсор, то бишь муж, всё же, несмотря ни на что, остался при ней. Что это означало? Что она по-прежнему не слезет со сладкой диеты. Вернувшись из очередного путешествия, – на этот раз она побывала в Австралии – она зачастила к Диане и, как-то оставшись с ней тет – а – тет, она одобрительно воскликнула:

– И где же ты такого себе красавчика откопала? Не боишься, что кто-нибудь отобьёт?

– Он мой и только мой! На всю жизнь! – с пафосом воскликнула Диана.

– Ох, не гадавай, подруга, не гадавай! – Таисия с сомнением покачала коротко остриженной золотистой, как подсолнух, головой, – нет, дорогая, в нашем положении гораздо лучше жить сегодняшним днём. Человек, как говорится, полагает, а бог располагает.

Надо сказать, что Таисия молодилась изо всех сил, дабы не растерять свои прелестные чары. Она ходила в модных брюках и в мужской клетчатой рубашке. И ещё, у неё была любопытная привычка: беседуя с интересными мужчинами, она, не вникая в смысл разговора, смотрела на собеседника чисто по — детски, исподлобья, то прищуривая светло-зелёные глаза, то вдруг их широко распахивая. Словом, эта женщина, где бы ни была и что бы ни делала, всегда стремилась произвести впечатление, и это было кредо её жизни.

Очень часто осенними вечерами они все втроем: Диана, Роберт и Таисия прогуливались по аккуратным садовым дорожкам, где жила Диана, и болтали без умолку обо всём, что приходило им в голову. Обе дамы зябко кутались в норковые шубы, тогда, как погода была далеко ещё не зимняя. И вот такой нюанс: едва Диана отворачивалась, Таисия взглядом своих хитро прищуренных глаз охотилась за Робертом, коего брала досада: зачем она вообще тут примазалась, как пятое колесо в телеге.

Но у Таисии, видимо, априори был свои виды на красивого любовника подруги. Она, как тигрица в логове, чего-то упорно выжидала. Такой момент однажды наступил, когда во время совместных прогулок Диане кто-то позвонил, и она, озабоченно сдвинув брови, со словами: «я полетела», покинула их, на ходу обещая, что будет часа через два.

Роберту сразу стало скучно, и он собрался было домой, однако Таисия попросила его задержаться на одно важное дело. Не прошло и полчаса, как на голову бедняжки Дианы из уст её верной подруги был вылит целый ушат грязи. Таисия с увлечением «раскрывала глаза», как она выразилась, на ту, с кем Роберт, ослеплённый любовью, проводит время.

– Вы думаете, вы у неё первый? – усмехаясь, с плохо скрываемой злостью бросила она.

– Подозреваю, что так вы и думаете, – продолжала она, покачивая головой и пристально глядя на него, – увы... увы... Диана, к сожалению, не из таких, чтобы дорожить какой-либо привязанностью. Её жизнь, хотите верьте, хотите нет, у меня как на ладони. Буквально полгода назад у неё одновременно было два романа, и длились они до тех пор, пока оба любовника ей смертельно не надоели. Вообще моя подруга – это прирождённая интриганка, без любовных интриг, в кои она добровольно втягивается, она не может прожить и дня. Флирт и интриги, интриги и флирт – вот её верные спутники жизни. Если вы думаете, что она вас безумно любит, то вы глубоко заблуждаетесь на сей счёт. Она флиртует с вами и больше ничего.

Слышать подобные речи в адрес любимого человека, да ещё из уст её близкой подруги, согласитесь, всегда не очень-то приятно. Но хотя услышанная информация его основательно покорибила, он счёл нужным никак на это не реагировать. В конце концов, подумал он, мужчине не к лицу опускаться до каких-то там сплетен и бабских дрызг.

И когда Диана в отсутствии подруги робко у него спросила, как они провели без неё время и вообще как ему общество Таисии, он как ни в чём не бывало ответил, что всё было нормально.

– Дорогая моя, твоя подруга просто бельфам! – воскликнул он с улыбкой, сжимая её в своих объятиях. Будь он более внимательным, то заметил бы вот какую деталь: Диана недовольно поморщилась после его слов. В принципе: какой даме приятен комплимент в чужой, а не в его адрес.

Глава десятая

Тем не менее, в их отношениях назрели кое-какие изменения. Однажды она без всякого предисловия, потупив голову, сообщила ему, что скоро они вероятно переедут на другую квартиру. Слова эти прихлопнули его словно гробовой крышкой

– В каком смысле – переедем! – спросил он упавшим голосом и с глупой улыбкой. Первое, что пришло ему в голову, что она намерена его бросить. Наигралась, как с любимым котиком, а теперь, наверное, не знает, как поделикатнее с ним расстаться. Но оказалось, что Диана имела в виду совсем другое: она собиралась снять для них двоих небольшую квартиру где-нибудь на окраине города.

И это будет, как она выразилась, их тайное любимое гнёздышко, где они будут, конечно же, наслаждаться обществом друг друга.

– Но у меня нет денег для оплаты этого гнёздышка! – в отчаянии воскликнул он и густо покраснел.

Она приложила свой очаровательный пальчик к его губам и дала ему понять, что пусть об этом у него не болит голова, так как она всё берёт на себя. Всё же позднее она ему разъяснила причину столь внезапного переезда. Самое главное, что её подвигло на это, – возвращение её сына. И хотя он ещё совсем ребёнок, она вовсе не хотела, чтобы он видел в доме какого-то чужого дядю, а потом ляпнул вдруг что-нибудь своему отцу. А причинять лишний раз огорчение своему мужу она решительно не хотела. По её словам, муж у неё золотой человек, всегда мягкий, покорный, из такого, как он, можно запросто вить верёвки.

Но она, де, не такая, как другие алчные стервы: вертят своими мужьями, как хотят, даже до самоубийства их доводят. Нет, это всё не про неё. Она хоть не любит его, но по крайней мере научилась его ценить, а потому все свои порывы держит строго в тайне от него. Тем не менее Роберт подозревал, что дело не только в сыне, но, видимо, и в Таисии Джугашвили. Ведь Диана проговорила, что о их новом адресе не должна знать ни одна живая душа. Разумеется, имела в виду и её назойливая приятельница, которой она наверняка перестала доверять.

Но оставим пока в стороне все догадки: важно то, что аккуратно через неделю наша влюблённая парочка переселилась в арендованную трёхкомнатную квартиру на окраине города. Роберту торжественно вручили один комплект ключей, вдобавок Диана, как он ни упорствовал, доверила ему свой новенький автомобиль. «Не будешь же ты, как малолетка, болтаться в общественном транспорте», – объяснила она.

Он нисколько не возражал, главное, что Диана будет с ним рядом; теперь он всё реже возвращался по вечерам в тёткину квартиру, а всё чаще обитал в райском уголке со своей любимой. Что касалось до Настасьи Ивановны, она вполне нормально отнеслась к изменениям в жизни драгоценного племянника, хотя и страшно скучала без него. А если он, наконец, являлся домой, то она прямо-таки не знала, как усадить его и чем накормить; её морщинистые щёки сияли, как начищенный до блеска медный пятак, она молодела на глазах, как восставшая из пепла Феникс-птица.

Жадная до новостей, тётушка старалась не пропустить ни одного слова из весьма скупой информации Роберта о своих приключениях на личном фронте.

Но вот, увы, настал день, когда его ненаглядная Диана с улыбкой рафаэлевского ангела была сброшена по своей же глупости с пьедестала, на который он её возвёл. Как-то к Роберту позвонила Лиза и попросила его срочно о помощи. В голосе у неё звенели слёзы. Он сразу догадался, что речь пойдёт о непутёвых братьях, которые, чуть что, сразу давили на жалость сестре. Так оно и оказалось. Опять их уже другая хозяйка выгоняет из квартиры, а деньги у них все вышли.

– Олег мне пожаловался, что хоть в петлю лезь; ни работы, ни квартиры, ни денег, – с рыданиями в голосе говорила Лиза. Роберт был вне себя от ярости. Навязались же им на шею эти недотёпы! Они просто отравляют им с Лизой жизнь. Денег нет! А куда, интересно, промотали те, что они с Лизой не так давно им выдали? Можно подумать, что в их распоряжении печатный станок!

Еле сдерживая себя, чтобы не нагрубить сестре, Роберт пробурчал:

– Нет, Лиза, как хочешь, а с этими оболтусами надо что-то делать. Если мы и дальше будем потакать им во всём, то они окончательно испортятся. Лично я – пас, больше не подписываюсь им помогать.

Но поскольку сердце у него было весьма отходчивое, он всё же обещал сестре во что бы то ни стало раздобыть денег. Но тут он всерьёз задумался, где же взять эти злосчастные купюры, из-за которых, похоже, весь мир свихнулся. В разгоряченной его голове назойливо, как муха, жужжала когда-то весьма популярная песенка: «а без денег жизнь плохая, не годится никуда...». Собственно, в распоряжении Роберта был пакет с Сониными деньгами, ведь она их, считай, подарила ему! Но он сразу же наложил на них табу, а потому ни за что их не возьмёт. Потом он вспомнил про игру в перекидного и стал тщательно себя ощупывать и похлопывать со всех сторон, на этот раз деньги, причём, в долларах, оказались в более доступном месте. Диана, не мудрствуя лукаво, положила их в карман его коричневой кожаной сумочки.

Делать нечего, пришлось, скрепя сердце, их взять. А когда они с Лизой сняли для братьев очередную комнату, он ещё целых две недели, как угорелый, носился по городу, который он успел уже частично изучить. Как же они с Лизой обрадовались, когда вдруг им улыбнулась удача. С первой же попытки удалось втиснуть и Игоря, и Олега в один компьютерный салон, а для более способного Игоря ещё нашлась подработка художником. Когда все семейные дела были мало-помалу улажены, Роберт с просветлевшим лицом явился на съёмную квартиру.

Однако напрасно он вынашивал мысль – заключить возлюбленную, по которой он страшно соскучился, в свои объятия. Она встретила его холодно и отчуждённо, с совершенно пасмурным лицом, более того, когда они находились в разных комнатах, он слышал какие-то странные звуки: не то стуки, не то какие-то монотонные удары. И тотчас же к нему прибежала с перепуганным, усеянным сплошь веснушками, лицом, приходящая пожилая домработница.

– Там... там... с Ди... с Дианой плохо, скорее бежите, а то она, ей богу, себе размозжит голову, – заикаясь от волнения и размахивая руками, закричала она.

Странная картина открылась его глазам: Диана, мрачная и злая, – такой он её увидел впервые, – с каким-то ожесточением ударялась головой о стену. Роберт не на шутку испугался и попробовал оттащить её от стены, однако она, визжала, словно сумасшедшая, и брыкалась, как лошадь, которую ненароком вдруг хотят захомутать.

Наконец ему удалось сломить её сопротивление, он скрутил ей руки, затем отнёс на диван; ещё с час пришлось ему сидеть подле неё. Он, как нянька, возился с ней, то и дело прикладывал разные примочки ей на лоб, натирал одеколоном виски, заставил её выпить успокаивающих капель, которые поднесла домработница. Прошло два часа, когда, наконец, припадок кончился, и женщина мало-помалу пришла в себя. Убедившись, что всё окончилось благополучно, он уже с насмешкой бросил:

– Ну что! Фенита ля комедия! Я и не знал, – добавил он колючим голосом, – что вы, мадам, такая ужасная истеричка!

Диана не осталась в долгу:

– Если я истеричка, то ты... ты... ты просто самовлюблённый нарцисс! – выпалила она и отвернулась. Позже, когда они, уже примирённые, наслаждались близостью друг друга, и она, играя волнистыми прядями его волос, виноватым голосом оправдывалась, что, де, вспышка гнева произошла у неё на почве ревности.

– Но какие у тебя доказательства, что я тебе якобы изменяю?

Из груди у неё вырвался протяжный вздох.

– Дело в том, что тебя недавно видела Таисия с какой-то молоденькой и очень красивой девушкой. Ты бы знал, с каким торжеством моя приятельница выкладывала мне эту новость и как мне хотелось заткнуть уши.

Роберт встал и заходил по комнате взад и вперёд: ему было одновременно смешно и досадно. Он с колючей миной стал ей объяснять, что с ним была его сестра Лиза.

– Вот вы все женщины, право слово, таковы! Чуть что, толком не разобравшись, уже с ума сходите от ревности. Но с другой стороны, дорогая, разве мы с тобой не вольные птицы, разве мы дали какой-то обет друг другу, в конце концов, ни я, ни ты – мы не находимся в собственности друг у друга и вольны поступать кто как хочет. Ну скажи, милая, разве я не прав, разве мы должны бросаться в любовь, как в омут с головой, у каждого из нас есть другие какие-то обязанности, – пытался он вразумить свою подругу, которая, странное дело, претендовала на верность, а сама между тем со спокойной совестью изменяла своему супругу.

Диана одновременно соглашалась с ним и не соглашалась, она лишь вяло кивала головой, а сама, похоже, думала о своём.

– Возможно, ты, Роб, и прав, – с грустью сказала она, – и впрямь: кто я тебе такая, что ты должен быть верен мне? Это старая истина. Умом я всё это прекрасно понимаю, а вот сердце, увы... увы... не хочет это принять. В любом случае я знаю, что рано, или поздно ты меня бросишь, и я приму это как должное, хотя... хотя не могу заранее предугадать реакцию со своей стороны. Но ты не бойся. Как Анна Каренина, я вряд ли брошусь под поезд, потому что у меня есть сын, и я должна жить для него.

В следующую встречу Диана вдруг твёрдо сказала ему, как о чём-то давно решённом:

– Тебе, мой друг, надо обязательно познакомиться с одной, очень влиятельной и очень красивой особой. Её знают тоже очень влиятельные люди, многие её покровительствуют и выполняют любые её просьбы чуть ли не с первого раза. И дело не в её очаровательной внешности, вернее, не только в ней, а в её влиятельном респектабельном муже, который вращается в важных кругах и ворочает большими деньгами.

Всё это Диана выдала ему залпом, на одном дыхании, что он даже не успел опомниться. «Что она, совсем свихнулась, – промелькнуло у него в мозгу, – в последнее время и так чувствую себя, как на раскалённой сковородке, а тут ещё новая забота – надо с кем-то там знакомиться».

Он сухо поинтересовался у неё, с какой такой стати она сделалась вдруг сводницей.

– Потому что ты слишком наивный и думаешь, что всё тебе вдруг свалится с неба, а для этого, дурачок, надо хочешь – не хочешь, а приложить усилия, по крайней мере, хоть пальцем пошевелить. Вот скажи откровенно: вы зачем все приехали в Петербург? Можешь не отвечать, и так всё понятно. В первую очередь, наверное, для того, чтобы сделать, ну если не головокружительную, так хотя бы какую-то карьеру, с помощью которой стать обеспеченным человеком, чтобы почувствовать себя свободным.

Всё это тебе может дать эта особа, про которую я говорю. У неё есть связи, у неё есть, разумеется, всё. Вот ты сейчас кто? Талантливый, но рядовой журналист, иными словами – пешка. Ты мне сам жаловался, что тобой вертят, как игрушкой. А она, эта дама, если захочет, сделает тебя главным редактором какой-нибудь влиятельной газеты. А потом... потом, чем чёрт не шутит, ты может станешь депутатом государственной Думы.

Роберт почувствовал, как у него проснулся интерес к её словам, они, словно маячок вдали, манили к себе, завораживали. И мысли у него заработали совсем в другом направлении.

«Какая же она чертовски умная баба, – думал он, – ведь правильно, чёрт побери, рассуждает: действительно, зачем я вообще сюда приехал? Чтобы куда-то пробиться, а я фактически погряз в рутине».

Роберт взглянул на себя как бы со стороны и ужаснулся, даже мурашки пробежали по телу. Какой же он идиот и лентяй! Вот уже больше полугода он торчит здесь, а ничего, ничего ровным счётом не добился. Как был круглый ноль, так нулём и остался. Теперь он согласен был не только с этой важной персоной, о которой так горячо отзывается Диана, познаться, но и с самим чёртом, был бы только толк. И тут Роберт засомневался: а захочет ли эта особа с ним хотя бы двумя словами перекинуться?

Всё это он выложил Диане, на что сия, уже с прежним кокетством глядя на него, ответила:

– Твоя козырная карта, между прочим, у тебя в руках!

В ответ на его недоумённый взгляд, она, игриво взмахнув рукой, промолвила:

– Будто сам не знаешь! Твоя редкая внешность – есть путь к счастью. А твой ум, твой литературный дар, твои ораторские способности – разве это не имеет никакого значения! Как раз-то эта женщина способна всё оценить и помочь тебе реализоваться.

– Конечно, – продолжала Диана, попыхивая сигаретой и тяжело вздыхая, – в кругу новых знакомых тебе со своим воспитанием не всё придётся по нраву и по вкусу. Потому что где-то придётся, хочешь – не – хочешь, а жить двойной жизнью, возможно, на каждом шагу надо будет лицемерить и улыбаться фальшивой улыбкой. Но что поделать! Как говорится, с волками жить, по волчьи выть.

Пока она это говорила, у Роберта всё время вертелся назойливый, как комар, вопрос: а почему, собственно, она из кожи вон лезет, чтобы его куда-то пристроить. Диана словно прочитала его мысли и грустно усмехнулась:

– Ты наверняка думаешь, а зачем ей это всё надо? Затем, мой милый тигрёнок, что со мной ты застрянешь будто в трясине. Я тебе при всём желании абсолютно ничего, увы, не могу дать, потому что сама я не влиятельный человек. Безусловно, мне грустно с тобой расставаться, ведь я понимаю, что ты, окунувшись в тот мир, выкинешь меня из головы, как выкидывают ненужную тряпку. Но я тебя слишком люблю и хочу, чтобы у тебя всё устроилось в жизни.

Эта ночь прошла у них весьма бурно, эмоции буквально переполняли Диану. То она нежно его ласкала, затем со слезами брала с него клятву не забывать её и, как прежде, время от времени встречаться в их милом райском уголке. А то она отчуждённо отворачивалась от него и безмолвно сидела, как каменное изваяние, сцепив упругие колени руками. Что касается Роберта, то он, машинально отвечая на её ласки, мыслями был уже далеко от неё, впрочем, к тому, чтобы совсем оставить Диану, он был не готов.

Глава одиннадцатая

Вот уже неделю наш герой жил новой жизнью, а именно: попав с помощью Дианы в окружение довольно влиятельных людей, он, собственно, уже не принадлежал сам себе. Растеряв остатки свободы, он, как робот, слепо исполнял то, что надо было исполнять.

Впрочем, несколько слов о той важной особе, о которой толковала с таким вдохновением Диана.

Ирина Самолётова была в таком возрасте – 39 лет, когда вроде бы молодость, если не прошла окончательно, то уже грозила перейти за ту рискованную границу, когда можно смело проливать по ней слёзы. Её достоинства заключались, во-первых, в том, что она была обладательницей весьма обеспеченного и очень влиятельного человека, перед которым заискивали и с которым заигрывали те, что были рангом пониже, а, во-вторых, она имела очень красивую и можно сказать нетленную с годами внешность. Даже более молодые красотки, представьте себе, при ней тускнели, как тускнеет медь рядом с золотом. Всю прелесть и обаяние, излучаемые этой женщиной, весьма нелегко описать пером. Осмелюсь хотя бы передать их в общих чертах. Если начать с глаз, они у неё были примерно цвета только что распутившейся нежной сирени; правда, злые языки утверждали, мол, в этом замешаны обыкновенные линзы.

Впрочем, оставим это на совести завистников, попавших к красавице в опалу. Далее скажем, что овальное личико у Ирины блее сметаны, вдобавок обрамляли его густые и волнистые пепельные волосы. А что они естественные, подтвердят, пожалуй, не только льстецы, но и опальные лица. Да она и сама, чтобы лишний раз заткнуть рот недоброжелателям, то и дело трясёт своими прядями, как трясёт лошадь головой.

Ну вот постепенно мы добрались, наверное, до самого сокровенного, чем особенно хвасталась и чем дорожила, назло своим недругам, амбициозная Ирина Самолётова. Догадались? Конечно, же это фигура, сия смахивающая на те, владелицами коих являются девицы от 20 до 25 лет. И тут надо отдать должное Ирине Константиновне: такое чудосочное упругое тело, всё в плавных изгибах там, где это особенно нужно, надо ещё поискать. Это результат её каждодневных невероятных усилий. Наверное, не так много сейчас, да и раньше, найдётся людей, которые бы изо дня в день, невзирая на хроническую лень и банальную усталость, делали хотя бы примитивную утреннюю зарядку.

Ирина же проявляет в этом деле завидное упорство, даже когда она бывает серьёзно больна или – о, ужас, – вообще в полусознательном состоянии, она не забывает уже инстинктивно двигать свою фигуру то в одну, то в другую сторону и делать слабые взмахи рукой либо ногой. Кроме зарядки, она ещё посещает регулярно тренажёрные залы, плавательные бассейны и прочие сооружения, благо они у неё буквально под носом.

У Ирины Константиновны, надо сказать, есть особое окружение, которому она не то, чтобы сильно доверяет, но с которым она чувствует себя в своей тарелке или как рыба в воде. Главным образом, потому, что ей нравится, когда ей к месту и не к месту жужжат чуть ли не в уши комплименты. А ещё она чрезвычайно любит себя ощущать эдакой пушкинской золотой рыбкой. «Сделаю!», «разберусь», «это для меня пара пустяков», – заявляет она, не мудрствуя лукаво, когда к ней обращаются с разными просьбами. У Самолётовой выработалась привычка – никому не отказывать даже в том случае, когда чья-то просьба изначально невыполнима. По её мнению, отказать – значит проявить слабость – а это для неё равносильно смерти.

Между тем люди из её ближайшего окружения отлично знают, что не сама она, как белка в колесе, крутится, выполняя ту или иную просьбу, да и чего ради ей тратить свою драгоценную энергию. Для этой цели у неё есть муж – Вадим Аблов – пожилой мужичонка с плешивой головой, которая ввиду короткой шеи удивительным образом держалась на плечах. Муж – это

никто иной, как её рупор: стоит ей лишь пошевелить губами, и он, не задумываясь, дунет в него с нужной стороны.

Вот уже много лет ради прихотей супруги Аблов вертится, как карась на сковородке, не брезгуя ничем, из чего образуются денежки, даже афёрами. Впрочем, будешь вертеться, коли сам неказист, да ещё годы, как кол забор, подпирают, а жена, как нарочно, будто ягодка в соку. Робкий, как ребёнок, со своей половиной, Аблов как весьма крупный бизнесмен, напротив, держит в своём волосатом кулаке целую когорту лиц, менее влиятельных, чем он.

Пару слов, пожалуй, можно сказать про окружение Ирины Константиновны, которая сама это окружение по наитию и сформировала. Например, молодой невзрачный, но подающий надежды адвокат Сергей Игогошин, имеющий способность появляться в нужное время и в нужном месте. Ещё – Екатерина Шпальчук – весьма привлекательная шатенка, средних лет, с умеренными амбициями, жена крупного банкира. Она, как и сама Ирина, имеет талант командовать мужем и питает слабость к молодым людям, с красивой наружностью.

Вот ещё не сходящие с арены лица. Лариса Мортисова – незамужняя желчная женщина, около 45 лет. Каким образом её, ничем не выдающуюся, занесло в этот круг, одному богу известно. В стане друзей Ирины – Галина Бабрыкина, бывшая певица, когда-то покорившая публику, а теперь располневшая, неряшливо и безвкусно одетая особа с прокуренным голосом, впрочем, не растерявшая таланта – плоско шутить, за что и держат её в окружении, как держали в своё время царских шутов. Это именно Галина Бабрыкина, глядя на Роберта, произнесла знаменательную фразу:

– О, это настоящий бриллиант из провинции!

Но не будем утомлять читателей перечислением других персонажей из данного великолепного окружения Ирины Самолётовой. Скажем только: каждый из них по-своему хорош. В первый день знакомства Роберта с хозяйкой дома и её верными друзьями на него смотрели как на диковинку, которую хотелось со все сторон пощупать. Под прицелом любопытных взглядов, стреляющих, как из ружья, бедняга Роберт, весь в испарине, еле-еле выдавливал из себя пару фраз на сыплющиеся отовсюду вопросы. Видя смущение парня, Ирина Самолётова велела всем замолчать, а сама, как горная козочка, легко подскочила с места и, непринуждённо взяв его под руку, отвела в укромное место и с мягкой улыбкой промолвила своим удивительно мелодичным голосом:

– Давайте, Роберт, разрешите вас так называть, просто пока помолчим, ведь вам сначала надобно прийти в себя, не так ли?

Роберт молчал, и она также молчала, и они получали от этого взаимное удовольствие. Роберта сразу, как магнитом, потянуло к ней, и подобное чувство он испытывал, откровенно говоря, впервые. Если чувство к Диане Агаевой можно сравнить с дуновением ветерка, то отношение к Ирине Самолётовой можно смело назвать штормом, который, разбушевавшись, сметает на своём пути прежние нравы и представления. Эта изумительная женщина показалась ему настоящей аристократкой, воспитанной, тактичной, интеллигентной. Подумать только, она не курила и другим не разрешала дымить в её присутствии. Правда, для Роберта она сделала приятное исключение.

Её броская красота, серебристый смех, манящие изгибы на стройной по-девичьи фигуре действовали на Роберта прямо-таки одуряюще. Ради такой потрясающей женщины, подумал он, можно и умереть; однако последнее он вовсе не собирался делать, напротив, был вдохновлён до такой степени, что хотел побыстрее прославиться и неважно на каком поприще, лишь бы она им гордилась. Для начала он желал быть хотя бы весьма остроумным, чтобы его с удовольствием слушали. Вот такие мажорные мысли роились у него, когда он сидел подле неё и дышал с ней одним воздухом.

А что творилось в свою очередь на душе у Ирины Константиновны можно только догадываться, ибо эта хитрая самоуверенная особа умела маскировать свои истинные чувства. Подо-

зреваем только, что наш красавчик герой, сам того не ожидая, покорил её с первой же минуты. Она, как птица, наострила свои коготки и готова была вонзить их в каждого, кто осмелился бы увести этого парня от неё. Роберт для неё был в жизни как лебединая песня для творческого человека.

Эта светская львица, если можно было бы так её назвать, с первого взгляда поняла, что Роберт достаточно горд и самолюбив и что северная столица его пока не успела испортить, тем не менее было ясно, как день, что в её руках он будет как воск, из коего можно лепить что угодно. Причём как умная женщина она прекрасно понимала, что одними своими чарами, какими бы колдовскими они ни были, надолго привязать к себе красивого, чуть ли не в два раза младше её парня просто невозможно. И как ни разу не подводившее её оружие, она пустила в ход материальную сторону.

Уже через месяц после знакомства Ирина стала ненавязчиво и деликатно, избегая лишних фраз, предлагать ему денег. Только в отличие от Дианы, избравшей ту же самую тактику, она не растасовывала их втайне куда попало, а отдавала их прямо в руки, причём купюры были гораздо крупнее Дианиных, что свидетельствовало о её более высоком уровне жизни.

Роберт поначалу отказывался брать деньги, но, когда она в третий раз настойчивее протянула целую пачку, он сунул её в карман, оправдывая себя тем, что берёт не для себя, а для мамы, которая сейчас наверняка остро нуждается в деньгах. Матери он и впрямь отправил переводом значительную сумму; после этого Ириниными деньгами он делал попытки возвращать долги Диане.

Впрочем, та всячески отнекивалась от денег, а посему он с лёгкой душой отдал их Настасье Ивановне, отчего тётка была едва ли не в шоке, её даже при виде денег слегка повело в сторону. Потом наш герой, привыкший к шелесту купюр, с удивлением подумал, что деньги нужны и для удовлетворения собственных потребностей. Нет, он никогда не страдал ни мотовством, ни расточительством, а уж скупердям тем паче никогда не слыл. Поэтому, отлично зная себя, Роберт, принимая деньги от Ирины Константиновны, тратил их так, как тратит разумный человек: ни больше, ни меньше, ещё и оставляя на пресловутый чёрный день – это в сущности мамины уроки. А между тем с нашим героем, как он вошёл в круг Ирины Константиновны, произошли резкие перемены. Теперь это был далеко не тот человек, который при виде вальяжных богатых персон не знал куда себя деть. В первые дни у него аж во рту пересыхало от смущения, он неловко стоял и краснел перед всеми, как ничтожный школьник перед грозным учителем. Теперь это был уже не Роберт, а красавчик Ро, так прозвала его жена банкира, и все, в том числе и Самолётова, за ней с удовольствием это повторяли. Он совсем не возражал, ему даже нравилось такое загадочное к нему обращение. Роберт не узнавал сам

себя. Если по части карьеры он ни на йоту не продвинулся, то по части остроумия он ни много ни мало мог дать сто очков вперёд любому из тех, кто восседал в кругу Самолётовой. Из Роберта, как из рога изобилия, сыпались цитаты и афоризмы из разных источников, коих названия он и сам давно забыл. Когда, например, в кругу влиятельных людей от нечего делать мусолили тему мироздания, Роберт был тут как тут с изречением древнегреческого философа Сократа: «Я знаю, что я ничего не знаю!»

И – подумать только – он без запинки прочитал цитату из написанного В. Г. Белинским: «Без любви и ненависти, без симпатии и антипатии человек есть призрак».

Теперь Роберт уже прекрасно знал, куда лучше пристроить свои руки: он ими просто искусно жестикулировал, а его глаза, отливающие небесной лазурью, будто завораживали окружение Ирины. И, чего греха таить, некоторые дамы, слушая остроумного молодого человека, находились будто под гипнозом. Жена банкира, то бишь Екатерина Шпальчук влюбилась в него вообще без памяти и втайне завидовала хозяйке, желая ей кучу болезней.

А молодой невзрачный адвокат Сергей Игогошин, находясь под впечатлением от стройной фигуры Роберта, невольно вздрагивал, делал руки по швам и вытягивал, как гусь,

свою хилую шею. Иногда от нахлынувших эмоций Роберт вдруг снова становился прежним, и в такие минуты он вместо лиц видел перед собой одну кривляющуюся ослабленную физиономию, в которую ему хотелось просто-напросто плюнуть. И если б не любовь к Ирине, которая после каждой встречи расцветала пышным цветом, и не острое желание поскорее продвигаться по части карьеры, а этого можно было достичь лишь с её помощью, он бы, не колеблясь, разорвал чуждый ему круг.

Глава двенадцатая

Откровенно говоря, с появлением в его жизни новой прекрасной пассии он не мог взять и так просто порвать с Дианой Агаевой; в ней он, между прочим, видел некую отдушину от суеты и показухи, с ней, надо отдать ей должное, он по крайней мере снова становился самим собой. В их райском уголке, то есть в прежней арендованной квартире он по крайней мере был достаточно раскован и у него уже не было нужды сыпать цитатами. Диане, откровенно говоря, это было совсем не нужно, она любила его ещё больше, чем раньше, и несмотря на то, что сама свела его с Ириной, она безумно ревновала его к ней.

Однажды, когда они гуляли в саду, где вовсю уже хозяйничала зима и деревья уныло и скучно помахивали оголёнными ветвями, она с грустью и смущением в голосе начала у него выпытывать детали интимной стороны, мол, было ли у них с Ириной что-то такое особенное, если да, то как это происходило? Лучше или хуже, чем у них?

Роберт хмыкнул и неопределённо протянул:

– Мда... мда...

После паузы он своей тёплой рукой прикоснулся к её прохладному лбу и как бы, обжёгшись, тотчас отдернул со словами, полными иронией:

– Уж не температуришь ли ты, дорогая?

И затем уже серьёзно сказал:

– Давай договоримся, дорогая, что впредь такие подробности ни в коем случае не обсуждать, не то мы скатимся бог знает куда. И вообще, – затягиваясь сигаретой, продолжал он, – странные вы, женщины, народ, однако. Вот ты сама же познакомила меня с Ириной, а теперь, похоже, дико ревнуешь.

Чтобы скоротать длинные зимние вечера, Диана и Роберт, укутавшись в длинный пёстрый, с тигриными мордами, плед, резались в карты, причём всякий раз в дураках оставался именно Роберт. Им было жутко весело, даром, что у него и у неё всяческих забот было, как говорится, по горло. И, как это водится, у влюблённых, – а Роберту в эти минуты казалось, что Диану он любил не меньше, чем Самолётову, только по-другому, – они никак не могли насытиться ласками, то и дело, как сумасшедшие, кидались в объятия друг к другу и долго не могли отлепиться.

Её маленькая головка с взлохмаченными локонами

надёжно покоилась на его сильной мускулистой руке; и под мрачное завывание ветра она вдруг с грустью ему призналась, что сильно за него боится.

– Почему? Что тебя так тревожит?

– Потому, – уклончиво отвечала она, припадая к его плечу.

– Потому что, – опять заговорила она, – что жизнь в сущности хрупка, как стекло, всё в ней непредсказуемо.

Она протяжно вздохнула и ничего не могла лучше придумать, как пуститься в философию:

– Видишь ли, мой милый тигрёнок, я знаю, что ты атеист...

– Я не атеист, а скорее, агностик, – перебил он её.

– Ну пусть агностик, всё равно. А я вот верю, что бог, наверное, есть и что мы все находимся у него как под колпаком. Мы глупо и наивно полагаем, что мы сами распоряжаемся своей судьбой, на самом деле это далеко не так...

Она замолчала, а он с иронией в голосе заметил:

– Однако ты, леди Ди, у нас великий философ! Но не забывай, что в философские дебри пускаться – это, право слово, рискованное и весьма неблагоприятное занятие. Лучше давай-ка приземлился.

Чтобы её развеселить, он начал рассказывать почти о каждом, кто состоит в окружении Ирины Самолётовой, кроме её самой, причём всем давая меткую карикатурную характеристику. Особенно досталось от него бывшей артистке с хриплым голосом и остатками амбиций. После того, как они вволю посмеялись, Диана вдруг с горечью призналась:

– Я уже тысячу раз раскаялась, что ввела тебя в тот кошмарный мир, который, я знаю, тебя раздражает и тебе наверняка приходится себя буквально насиловать, чтобы стать их человеком. Я прекрасно знала, что все эти люди ограничены и ничтожны, кроме связей и денег, их ничего больше не интересует. Они погубят тебя! Прости меня, если можешь, Робик!

Она расплакалась, а он, чувствуя влагу на своих плечах, ласково её успокаивал, с удивлением признаваясь, что Диану он, оказывается, плохо знал, в отличие от других, она совсем не притворна и искренне ему сопереживает.

– Ты всё, мой дорогой котёнок, правильно сделала. Ты сделала всё, как надо, ты ведь хотела, как лучше, тем более насильно, как быка за рога, меня никто туда не тянул. Да и я не только ради себя хлопочу, а ради всей нашей семьи, чтобы все чего-то добились, а без денег, увы, – он развёл руками, – сейчас и шагу в жизни не сделаешь.

– Да... да... да... – словно заведённая машина повторяла она, а потом вдруг опять кинулась к нему и зарыдала навзрыд.

– Давай, милый Робик, куда-нибудь уедем отсюда, далеко-далеко, хоть на край света, чтобы нас никто не нашёл, поселимся где-нибудь на самом отшибе и будем жить до самой смерти. Ты не думай, у меня есть деньги, – торопливо говорила она, теребя его непокорные волосы. – На двоих нам вполне хватит, Тебе даже не надо будет работать, – убеждала она, хотя прекрасно сознавала, что говорит вздор и чепуху.

– Подумай, дорогая, что ты несёшь! Мы живём в 21 веке, а ты предлагаешь куда-то бежать в безлюдное место и жить, наслаждаясь бездельем. Ну а как же твой сын Ромка! Как же твой муж! Ты ведь никогда их не бросишь и правильно сделаешь! И я никогда не брошу ни свою мать, ни свою сестру и братьев. И видишь ли, Диана, мне претит безделье, в каком бы виде оно ни было. Поэтому давай оставим эту тему раз и навсегда, – решительно закончил он.

На этот раз она сдалась, взяв только с него слово: сообщать ей всё, что с ним происходит, вплоть до нюансов.

Между тем Ирина Самолётова привязывалась к Роберту Ивлеву всё сильнее и в этом плане была похожа на комнатную собачку, которая в отсутствии хозяев готова была скулить и день и ночь. Если б можно было, Ирина таскалась бы за молодым человеком, как тень отца Гамлета. Иногда в ней сильно разыгрывало желание выпытать у него информацию, где он пропадает в те дни, когда не бывает у неё, ей приходила в голову крамольная мысль даже нанять частного детектива, чтобы тот шпионил за Робертом и докладывал ей о передвижении одного. О, женщины возраста и ранга Ирины Константиновны, если они сильно влюблены, готовы на всё! Они могут наворотить кучу ошибок и натворить даже глупостей. Но у неё был талант вовремя себя обуздывать, а посему всё шло пока что по течению.

Разумеется, Ирине весьма не нравилось то, что во время отсутствия Роберта в её окружении начиналась чуть ли не паника и суета невероятная, словно он был едва ли не центром вселенной.

– А где наш красавчик Ро? Что случилось с Ро? Почему потерял к нам дорогу красавчик Ро? – слышалось отовсюду и все явно недоумевали. Но она знала, что вопросы, а скорее колкие реплики, прежде всего адресовались ей, и она в них находила в первую очередь насмешку над собой. Мол, дюже постарела, утратила способность в себя влюблять, вот он и результат: неконтролируемый красавчик бродит где попало, как бык без привязи. Она хорошо представляла, что творилось, например, в эти минуты в душе у её очаровательной приятельницы Екатерины Шпальчук. Наверное, та, потирая от удовольствия руки, думала, что «старой калоше так и надо».

Но вот что ужаснее всего: она вдруг заметила, или ей просто показалось, что у всегда покорного ей супруга в последнее время притаилась в уголках жирных и блестящих губ какая-то уж слишком фривольная улыбка, когда он на неё поглядывал. Ну что ж, прекрасно: смеётся тот, кто смеётся последний. Она непременно покажет мужу, где раки зимуют, лишь бы дожидаться Роберта, а в том, что он к ней вернётся, она ни капельки не сомневалась. Она только должна смодулировать такой чёткий план, чтобы отбить у своего фаворита всякую охоту делать скачки на сторону. Тогда никто, в том числе и постылый муж, которого она про себя обзывала «жирным боровом», не посмеет в ней сомневаться.

И Ирина Константиновна подобно Наполеону, засучив рукава, принялась за дело. Во-первых, она решила выделить для своего любимчика одну из красивейших и уютных комнат в доме, где он мог бы по необходимости переночевать, а в минуты досуга без посторонних глаз делать то, что ему вздумается, например, заниматься каким-нибудь хобби. Во-вторых, она как бы невзначай поинтересуется, какие желания он бы хотел в первую очередь исполнить и, разумеется, взять их на карандаш, а после разбиться в лепёшку, но непременно всё выполнить.

Правда, всё это ляжет на плечи её супруга, а ей, как всегда, по милости божьей, уготована роль в нужный момент лишь ловко повести бровью, впрочем, признаемся, и это труд немалый. И наконец, в-третьих, она просто возьмёт его уже тёпленького и готовенького, как сладко урчащего котёнка, с собой в какое-нибудь обоюдовыгодное зарубежное турне.

Правда, в этом грандиозном «наполеоновском» плане были кое-какие нюансы. Например, «в третьих» и «во-вторых» правильнее было бы поменять местами. То, что мы поставили «в третьих», надо перенести в «во-вторых», и наоборот, ибо, получив из первых уст информацию насчёт желаний и передав её кому следует по назначению, то бишь супругу, лучше было бы сразу скрыться с глаз долой, то есть совершить вояж с милым дружкой. И приехать уже на всё готовое, так что и комар носа бы не подточил. Путь бы Роберт дивился её всемогуществу: как это в её отсутствие всё равно всё крутится и вертится. А это, что ни говори, весьма важный шанс сильнее привязать молодчика к своей юбке.

Итак, как она и предполагала, Роберт появился на горизонте, причём тогда, когда всё окружение, к её радости, было в сборе. Он довольно свободно прошёл на своё место в гостиной и окинул присутствующих небрежным взглядом, эдак вприщур. С его появлением заскукавшая была публика буквально оживилась, кое-где даже раздалась аплодисменты.

– О, красавчик Ро, удостоил нас своим вниманием!

– Браво, Ро!

– Без тебя, Ро, скука смертельная!

Чтобы угодить окружению и по-прежнему быть на высоте, Роберт выдал своим бархатистым голосом парочку-другую свежих анекдотов, затем плавно перешёл к загадкам, на которые сам он, разумеется, знал ответы. Например, он спросил: кому принадлежат слова, типа того, что в России и вешать-то не научились. И сразу после паузы внёс ремарку: что этот самый человек, из уст которого прозвучали данные слова, есть и автор песни о Ермаке.

Однако о Кондратии Рылееве почти никто из окружения ровным счётом ничего не знал, а потому все молчали, словно набрав в рот воды. Между тем торжествующая Ирина Константиновна, сверкая бриллиантами, подхватила под руку Роберта и под завистливые взгляды дам, шелестя дорогой юбкой, повела его в облюбованную ею комнату.

Стены последней были сплошь увешаны дорогим оружием разного калибра, а одна стена была отведена под картины на античные темы. Роберт даже растерялся, когда Ирина своим мягким, волнующим голосом сообщила ему непринуждённым тоном, как о чём-то давно решённом, что он может тут гостевать столько, сколько сам захочет и что без его спроса никто сюда, в том числе и она сама, и носа не сунет.

Надо сказать, что наш герой, научившийся манерам независимо и непринуждённо держаться на публике, оставаясь с Ириной наедине, робел, как девица на выданье. Порой нужные

слова находились, как на зло, только тогда, когда уже были не нужны. Вот и сейчас, когда она спросила, понравилась ли ему эта комната, он, опустив голову, ответил что-то неопределённое, а под конец всё же, заикаясь, промямлил, что он в восхищении от увиденного, но только...

– Что только, милый Роберт?

– Дело в том... понимаете... словом, постоянно я здесь жить никак не могу, потому что... моя тётка, у которой я остановился, она... она боится ночевать одна. Но всё же иногда я могу, наверное, оставаться здесь, – добавил он, не на шутку испугавшись гнева своей повелительницы

Но Ирина была вполне довольна: красавчик Ро, кажется, попался в её сети, а тётка... что тётка – это, если разобраться, пустое место. Что тут такого, если он и впрямь будет иногда у неё ночевать, зато у него будет возможность сравнить, какое из мест обитания лучше и комфортнее. И она, разумеется, на 100 процентов уверена, что это будет не в тётину пользу.

От этих приятных мыслей у неё даже закружилась голова и её слегка качнуло в сторону Роберта, а его в свою очередь в эту минуту обдало ароматом дорогих духов. Однако Самолётова была вовсе не из тех женщин, которые, на почве любви потеряв голову, не владеют уж ею. О физической близости с Робертом она хоть и мечтала, но сдерживала себя мыслью, что ещё не время, что романтические отношения позволяют женщине по крайней мере оставаться лидером и вдоволь манипулировать любимым человеком.

После показа апартаментов, отведённых для Роберта, Ирина приступила к следующему пункту из своей программы. Она подошла к окну, отёрнула из тонкой ткани занавеску и, скользя ласковым взглядом по его стройной фигуре, произнесла голосом, полным неги:

– Скажи, пожалуйста, Роберт, только откровенно и без всяких церемоний, ведь мы с тобой друзья, не правда ли? Так вот, что ты больше всего желаешь? Чего ты хочешь, чтобы быть хоть чуточку счастливым?

Между прочим, – вкрадчиво добавила она, – я интересуюсь вовсе не из праздного любопытства, а только хочу тебе помочь.

Роберт между тем достаточно освоился, голос у него стал уже твёрже, даром, что он с обожанием смотрел на неё. Он вспомнил слова Дианы о том, что Самолётова способна на многое, – и это вовсе не блеф, а реальность. Памятуя о том, что женщины не любят мужчин – тряпок, он смелее развалился на диване и, глядя ей прямо в глаза, проговорил:

– Желания у меня, Ирина Константиновна...

– Теперь уже можно – Ирина... – мягко поправила она, прищутив глаза.

– Да, да, извините, Ирина, так вот, у меня, как, наверное, и у всякого молодого человека, недавно вырвавшегося из родных пенат, конечно же, есть желания, впрочем, какой толк, что они есть! Увы, я чувствую, что все они неосуществимы.

– Ну, например, что ты хочешь в первую очередь? – подбадривала она его всё тем же ласковым голосом и окидывая его всё тем же манящим взглядом.

– Мне хотелось бы получить такую должность в области журналистики, чтобы никто мною не командовал, чтобы я сам мог планировать всё, что считаю нужным. Иными словами, хочу быть независимым, – решительно заключил он.

Она махнула своей алебастровой, по-девичьи тонкой рукой и весело сказала:

– Что ж, желание вполне нормальное, и я думаю, пара пустяков его выполнить. А что ещё тебя, мой друг, беспокоит?

Ободрённый её уверенным тоном, Роберт, вспомнив ещё про одно своё желание, выпалил:

– Я никак, к сожалению, не могу выпустить свой роман. Куда только не обращался, кругом отвергают, не читая.

У его покровительницы от удивления буквально округлились глаза. Чего не ожидала она, того не ожидала. Роберт тотчас же возвысился в её глазах: надо же, так молод, а уже сочиняет художественные произведения. Ей очень захотелось подробнее узнать об этом.

– Признаться, мой друг, я приятно поражена... сама я не обладаю абсолютно никакими талантами.

В свою очередь наш герой чрезвычайно обрадовался, что эта умная шикарная женщина всерьёз заинтересовалась его творением, на создание которого у него ушёл ровно год. Кроме Лизы, да ещё матери, его детище никто не читал, а родным он очень понравился, мама, та ещё проследила на последних страницах.

Он сказал Ирине, что роман называется «Разбитое зеркало». О чём он? О человеке, который в погоне за успехом приспособливался ко всем, кто его так или иначе окружал, в результате он потерял самого себя, а ничего так и не добился.

– М... да, – задумчиво произнесла она, – безусловно, тема эта актуальна, более того, это уже притча во языцех. И ты молодец, что поднял её, я непременно прочитаю твой роман, как только его напечатают.

При этих словах он, как ужаленный, подскочил с места.

– Напечатают? Как бы не так! В издательствах на меня смотрят как на сумасшедшего.

– А я говорю, что в ближайшее время ваш роман непременно напечатают, – уверенно произнесла она, подойдя к нему и взяв его за руку.

Глава тринадцатая

Надо сказать, что, заявляя об этом, Ирина Константиновна ещё толком не знала, с какой стороны к данному вопросу подступить. Дело в том, что область книгоиздания для неё всё равно, что тёмный лес, где она, извиняюсь, ни бельмеса не смыслила. Литераторов в её окружении не было, сама она, кроме Анны Карениной, да и то в школе, ничего не прочла. То есть на этом поприще она чувствовала себя, прошу прощения, как корова на льду, но об этом, как говорится, держала язык за зубами, а посему выдавала себя за человека, явно знающего толк в литературе.

Сейчас – какая удача – ей подвернулся случай: доказать и Роберту, и самой себе, что невозможное становится вполне возможным, когда за него берётся такая сильная и энергичная женщина, как она.

Будучи в азартном состоянии Ирина Константиновна на следующий же день нанесла визит своему супругу – в это время он был на работе и распекал своих подчинённых. Заметив жену, Вадим тотчас подобрел, и его жирное, в широких складках лицо мгновенно расплылось в улыбку.

– Ты что-то хотела, дорогая? – робко спросил он, пытаясь её обнять, благо в кабинете уже никого не было.

Преодолевая отвращение, Ирина нехотя подставила ему щеку для поцелуя, как бы невзначай похвалила его, что сегодня он прекрасно выглядит, и сразу же, как говорится, стала брать быка за рога.

– Вадимчик, надо срочно помочь одному очень хорошему человеку, – зашебетала она, присаживаясь в кресло. – Да ты его прекрасно знаешь – я говорю о нашем Роберте. Представляешь, как ему, бедняжке, не везёт. Сочинил прекрасный роман, я его прочитала, но везде его отвергают, не читая. Ужас какой! Вот скажи мне: разве мы не должны помогать одарённым людям?

Ошавевший от напора супруги Аблов в знак согласия мотнул лысой, блестящей от испарины головой.

– Ты немедленно должен всё разузнать, – уже в приказном тоне бросила она и, величественно держа голову, выплыла из кабинета.

Буквально дня через три выяснилось, что в деле продвижения романа никаких копьев, слава Богу, ломать не пришлось. Всё решилось довольно банально, то есть господину Аблову, чтобы угодить супруге, достаточно было хорошенько потрясти кошельком перед издателями.

Итак, Ирина могла теперь спокойно подвести итоги. Два пункта из её плана можно уже не считать. Судите сами: престижная работа для Роберта, когда он сам был бы начальником и чувствовал себя независимо, считай, была уже в кармане. Супруг с пафосом заверил её, что по этой части всё будет в порядке. Вот и с романом новоявленного писателя, как выяснилось, нет уже препятствий. Остался самый приятный и волнующий пункт: путешествие по странам, правда, она с ним на эту тему ещё не толковала. Ну да разве мало-мальски уважающий себя человек откажется от столь заманчивого предложения! В предвкушении этого события, когда, как она полагала, они ещё больше сблизятся и чувства романтические, вполне возможно, перейдут на более высшую стадию, у Ирины раздувались ноздри, как меха в горах.

Все расчёты этой мудрой женщины оказались верными. Она лишь заикнулась насчёт путешествия, как Роберт, у которого не угас ещё любовный пыл к ней, с восторгом подхватил эту идею. И, надо сказать, его уже совсем не смущал тот факт, что сам он ровным счётом ничего не будет оплачивать – это было уже само собой разумеющееся.

О предстоящей поездке родным Роберта ничего не было известно: ему, честно говоря, было как-то неудобно разглашать о своей личной жизни; единственным человеком, которому

он решил всё рассказать, как вы, наверное, догадываетесь, была Диана Агаева. Встретились наши любовники всё в том же «райском уголке». За неделю, пока они не виделись, у его подруги по части пристрастий были кое – какие изменения. Например, она уже несколько отмежевалась от своих любимых партий, которые она фактически спонсировала. Теперь всю свою неисчерпаемую энергию Диана направляла в помощь обездоленным людям, у которых в силу разных обстоятельств не было, как говорится, ни кола, ни двора, и они фактически оказались на обочине жизни.

– Ты знаешь, дорогой, – мило тараторила она, разливая чай по крошечным с затейливой каёмочкой кружечкам, – я совершенно не знала, что у нас так много людей, нуждающихся в срочной помощи. Конечно, у меня самой больших средств нет, но зато есть немало обеспеченных людей, которые так или иначе откликнулись на моё предложение. Кое-что у меня набралось, теперь я могу помочь тем, которые особенно остро нуждаются в деньгах.

Всё это она выпалила залпом, а затем, весело напевая что-то себе под нос, выключила свет и стала шуршать нижним бельём, и вот уже её миниатюрная фигурка, похожая на скульптуру, вылепленную талантливым мастером, нырнула в постель, и она, свернувшись, клубочком, по привычке припала к его плечу.

Откровенно говоря, Роберт слушал излияния Дианы с каким-то скептицизмом. Он поражался её наивности и доверчивости, у него создалось такое впечатление, что она будто девочка, совершенно не знающая жизни. Эта её неопределённость и непоследовательность вызывали по меньшей мере досаду и недоумение. Во-первых, она, не закончив одного дела, бралась за другое, разочаровавшись во втором – принималась за третье. А, во-вторых, сколько раз она сама ему признавалась, что никому в итоге её помощь не пошла на пользу. Многие её просто-напросто обманывали и полученные средства использовали совсем не по назначению. И потом, зачем она при передаче денег привлекает незнакомых посредников, кои её бессовестным образом надувают, ибо купюры присваивают себе. Однако ей всё нет урока.

Сегодняшняя ночь была последней, так как через три дня они с Ириной уже будут в пути. Зная, что Диана сильно расстроится по этому поводу, он всё равно ничего не стал от неё скрывать, добавив, разводя руками, что и рад бы отказаться от путешествия, да ведь от этого зависит его карьера.

– Грустно осознавать, что тебя, как овечку, так быстро связали по рукам и ногам, – с горечью промолвила Диана и всплакнула из-за предстоящей разлуки.

– Ну вот опять двадцать пять! – рассерженно сказал Роберт, потянувшись за сигаретой. – А я ведь мог ничего тебе не говорить и потом, не ты ли сама мне вдвухала в уши, что Ирина поможет мне продвинуться как —то по части карьеры. В свою очередь, и я должен что-то для неё делать. Думаешь, мне так уж охота куда-то волочиться, но раз ей приспичило, разве мог я отказаться! Между прочим, она обещала помочь выпустить мой роман, помнишь, я тебе говорил о нём.

Понимая, что она сама заварила эту кашу, Диана вытерла слёзы, обняла его и примиряюще сказала:

– Конечно, я помню, ты классно написал этот роман и, кстати, главный герой немножко напоминает тебя.

– Досадно, что это так, – со вздохом произнёс Роберт, – я как будто предчувствовал, что и со мной может произойти такая же история.

Когда они уже прощались, Диана повисла на его шее, как почки виснут на ветках, и никак не могла отлепиться, пока он сам не развёл её руки в разные стороны. Он ушёл от неё в потёмках, дабы хорошенько отоспаться перед завтрашней ответственной миссией. Остаётся добавить, что, когда за ним закрылась дверь, у Дианы больно сжалось сердце от какого-то нехорошего предчувствия. Что-то ей подсказывало, что она безвозвратно теряет любимого человека.

«Но ведь я сама толкала его на эти дурацкие авантюры, – упрекала она себя, – а так, голубушка, не бывает, что и волки были бы сыты, и овцы целы».

... Два месяца путешествовали Самолётова и Роберт: они побывали в Греции и в Турции, хотели ещё кое-куда завернуть, но в последний момент вдруг раздумали: откровенно говоря, Ирине уже не терпелось ознакомиться с результатами задуманного плана, тем более её покорный служака муж довольным голосом проинформировал по телефону, что всё сделано так, как она велела.

Между тем с Робертом произошло то, что в сущности и должно было произойти. Он возвращался в какой-то степени другим человеком. После близости с любимой женщиной (она, кстати, произошла в первые дни отдыха) взор у него стал твёрже и увереннее, как у человека, долго плутовавшего по канавам и вдруг вышедшего на ровную местность. Робость и неуверенность, с которыми он ранее посматривал на Ирину, теперь будто испарились, наоборот он смотрел на неё теперь победно, и то и дело смело брал за руку и даже целовал прилюдно.

Ирина тоже почувствовала разницу в их отношениях и главным образом с его стороны, но странное дело, ей это весьма понравилось. Она давно мечтала хоть изредка чувствовать себя слабой женщиной возле brutального молодого человека.

Глава четырнадцатая

К приезду нашего героя, к приятному изумлению одного, уже были выпущены первые экземпляры его книги. Он даже не верил собственным глазам, когда лихорадочно, точно во сне перелистывал хрупкие страницы. А когда его покровительница с некоторой долей кокетства в голосе сообщила ему, что пост главного редактора одной из весомой в городе газеты для него уже приготовлен и что он может хоть завтра приступить к работе, его, по правде говоря, бросило в жар. «Значит, – думал он, – верно про неё говорят, что она может всё».

Разумеется, Роберт как далеко не глупый человек понимал, что во всём этом, конечно же, замешаны деньги и немалые, и что по мановению волшебной палочки ничего на свете не делается. Тем не менее после всех благ он почувствовал к Ирине Константиновне ещё большее благоговение, чем раньше. А что ещё? Ещё зависть. У него даже ком к горлу подкатился при мысли: почему так скверно устроена жизнь, одним чуть ли не с пелёнок преподносят всё на блюде, а другие, как его мама, например, всю жизнь вкалывают, а удача от них, увы, отворачивается.

При мысли о матери Роберт почувствовал себя весьма нехорошо, он ругал себя самыми последними словами. Боже мой, какой же он подонок! Всё это время, когда он с довольной физиономией раскатывал по свету и предавался плотским утехам, он ни разу ей не позвонил. А вдруг она, не дай Бог, заболела?

Он тотчас же кинулся к телефону, набрал знакомый номер и, весь трясаясь, как от озноба, ожидал ответа. Было раннее утро, но он знал, что мать в это время, наверное, как всегда, уже на ногах и вся в хлопотах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.